

А. Ю. Кожевников

РУССКИЙ ПАТРИОТИЗМ И СОВЕТСКИЙ СОЦИАЛИЗМ

Алексей Кожевников

**Русский патриотизм и
советский социализм**

«Прометей»

2017

УДК 94(100)"654"
ББК 63.3(0)

Кожевников А. Ю.

Русский патриотизм и советский социализм /
А. Ю. Кожевников — «Прометей», 2017

ISBN 978-5-906879-77-6

Монография посвящена одному из наиболее противоречивых явлений общественной и культурной жизни СССР на протяжении почти всей его истории (1917–1985 гг.) – идеям русского патриотизма. На основе широкого круга источников выявляются корни и прослеживается дальнейший генезис новой патриотической идеологии, исследуются формы ее проявления, особенности отношения советских властей к «русскому фактору» в политической и культурной жизни того времени. Альтернативным официальному курсу проектам решения «русского вопроса», предлагаемым русскими национал-патриотами (диссидентами), посвящена отдельная глава книги. Для историков, политологов и всех, интересующихся прошлым нашего Отечества.

УДК 94(100)"654"
ББК 63.3(0)

ISBN 978-5-906879-77-6

© Кожевников А. Ю., 2017
© Прометей, 2017

Содержание

От автора	6
Глава 1. Истоки «левого патриотизма»	8
§ 1. Патриотическая идея в оценках российской революционной интеллигенции XIX века	8
§ 2. Большевизм и русский вопрос в начале XX века	21
Глава 2. От идеи «мировой революции» к государственному патриотизму (октябрь 1917–1953 гг.)	29
§ 1. Идеи «красного патриотизма» в годы Гражданской войны (1918–1920 гг.)	29
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Алексей Кожевников

Русский патриотизм и советский социализм

© Кожевников А. Ю., 2017

© Издательство «Прометей», 2017

* * *

*Столетию Великого Октября,
светлой памяти моих учителей – патриотов России –
Аполлона Гоигорьевича Кузьмина
и Сергея Николаевича Семанова
посвящается эта книга*

От автора

Патриотизм как понятие, как социокультурное явление, как форма выражения национального самосознания и как идеологический компонент уже на протяжении многих столетий является объектом острых политических и научных дискуссий. Право называть себя подлинно патриотической силой, призванной бороться за национальные интересы, отстаивать суверенитет своего государства, бороться за его могущество и процветание оспаривают многие партии, общественные организации, политические группировки современной России – как «правого», так и «левого» направлений, а также представители «центра». После нескольких лет разгула национал-нигилизма, презрения к патриотической идее, радикального антисоветизма и русофобии, культивируемых в том числе и на социальном уровне в последние годы «перестройки» и в начале ельцинских «реформ» (1991–1993 гг.), российская власть была вынуждена заняться поиском новой «национальной идеи» и разработкой новой государственной идеологии. Объяснение такой, во многом непоследовательной и конъюнктурной «переориентации» определенных кругов ельцинского руководства на «патриотические ценности» следует искать не только в результатах провальных для либералов-западников выборов в Государственную Думу в декабре 1993 г. (как известно, победу на них одержали «оппозиционные» партии – ЛДПР и КПРФ), сколько в осознании властью предрежающими простой истины: существование государства и легитимность существующего режима невозможны без опоры на патриотическую (или квазипатриотическую) идею, скрепляющую единство нации¹. Насколько это удалось властям за 25 лет либеральных «реформ» – другой вопрос.

В последние 15 лет патриотическая идея все более активно декларируется госчиновниками – вчерашними адептами либерализма, антисоветчиками, криминальными дельцами разных уровней, в одночасье ставшими ярыми «государственниками». Объясняется подобное лицемерие просто: для компрадорской буржуазии, захватившей власть на территории бывшего СССР, прежние откровенно антинациональные, антигосударственные, ультралиберальные идеологические установки не могли в новых условиях оставаться действенным инструментарием для сохранения этой власти и строя. Кроме того, необходимо было создать пропагандистскую «завесу» для социума, служащую прикрытием политики дальнейшего закабаления и разграбления России, – но уже под другими лозунгами, с апелляцией к иным символам и «ценностям». Для этого проводникам нового идеологического курса потребовались «новая»-старая интерпретация событий дореволюционного прошлого (в духе существовавших до 1917 г. официальных установок), концепция российской государственности (фактически воскресившая уваровскую теорию «официальной народности»), наконец, – наследие русских консервативных мыслителей XIX-начала XX веков. Впрочем, если говорить о последних (а не о бесславно канувшей в Лету царской Империи), то русские консерваторы, – люди, бесспорно, яркие и талантливые, – не только не смогли (в отличие от революционеров) создать массового движения, способного прийти к власти или влиять на нее, но и вообще предложить обществу новый социальный проект. Как показала история, утописты-консерваторы, оторванные от народа, чуждые ему, так и не смогли сформулировать простые и понятные для многомиллионной России социальные и патриотические лозунги, ту самую Русскую Идею. Конкретизировать и реализовать ее в XX веке удалось только большевикам.

Эта книга – о русском революционном и советском патриотизме, его корнях и эволюции на протяжении двух столетий (1816–1985 гг.). Монография не содержит анализа историографии, источниковой базы и понятийного аппарата рассматриваемой темы (ввиду своей хронологической и фактологической объемности эти вопросы требуют специального исследова-

---

¹ См.: Вдовин А. И. Русские в XX веке. Трагедии и триумфы великого народа. М., 2013. С. 469–470.

дования). Автор также не ставил целью показать весь спектр отношений к патриотической идеологии в различных политических левых направлениях XIX – начала XX веков (позднее народничество, эсеры, меньшевики, анархисты и др.). Для более детального ознакомления с особенностями восприятия патриотической идеи российскими левыми читателю можно порекомендовать вышедшее недавно фундаментальное исследование – монографию «Патриотизм и национализм как факторы российской истории (конец XVIII в. – 1991 г.)»².

При выборе тематики и хронологии в исследовании русского революционного и советского патриотизма XIX–XX вв. автор счел целесообразным опираться на известную ленинскую «триаду» – три периода революционного движения в России, радикального его направления: декабризм, раннее народничество и революционные демократы (А. И. Герцен, Н. Г. Чернышевский), большевизм. Первые два направления, при всем критическом к ним отношении, В. И. Ленин считал главными двигателями революционного процесса в России, в известной степени предопределившими появление большевизма (статья «Памяти Герцена», 1912 г.). Именно от них вел «генеалогию» своего движения будущий создатель Советского государства и новой патриотической идеологии. Иное, сугубо отрицательное отношение у вождя пролетариата было к своим политическим оппонентам – поздним народникам («друзьям народа»), к их идейным продолжателям – эсерам и к умеренным социал-демократам – меньшевикам. Подобный подход был присущ (вплоть до «перестройки») советской идеологии и исторической науке, отказывавшим оппонентам Ленина не только в подлинной «революционности», но и в патриотизме.

Основная часть книги приходится на советский период истории России. На широком круге источников (в том числе выявленных впервые) анализируются процесс зарождения новой патриотической идеологии в Советском государстве, ее особенности и формы проявления, отношение к «русскому фактору» со стороны большевистской власти. Особое внимание в работе уделено процессу трансформации патриотической идеи в СССР 1930-х – начала 1950-х гг. и ее последствиям для советской культуры и официальной пропаганды. Подробно исследуются особенности позднесоветской патриотической идеологии, вопросы взаимоотношений русских национал-патриотов и коммунистической власти в 1960-х – первой половине 80-х гг. Отдельная глава посвящена русским националистам-диссидентам тех лет, рассматриваются их, альтернативные официальным, проекты, касающиеся вопросов государственного устройства России и положения ведущего этноса СССР – русского народа.

² См., например: *Зверев В. В.* Народ, патриотизм и национализм в русском народничестве // Патриотизм и национализм как факторы российской истории (конец XVIII в. – 1991 г.) / Отв. Ред. В. В. Журавлев. М., 2015. С. 113–206; *Савельев П. Ю.* Проблемы патриотизма, национализма и интернационализма в идеологии российской социал-демократии // Там же. С. 226–246.

Глава 1. Истоки «левого патриотизма»

§ 1. Патриотическая идея в оценках российской революционной интеллигенции XIX века

С момента своего появления на политической арене коммунистическое движение заявило о себе как сила интернациональная, призванная объединить рабочие массы наиболее развитых капиталистических стран для совершения общеевропейской, а в перспективе – мировой пролетарской революции. В «Манифесте Коммунистической партии», написанном К. Марксом и Ф. Энгельсом в 1848 г., четко обозначались «национально-государственный» статус пролетариата в условиях господства буржуазно-капиталистических отношений и будущее этого ведущего революционного класса после завоевания им политической власти: «... Рабочие не имеют отечества. У них нельзя отнять то, чего у них нет. Так как пролетариат должен прежде всего завоевать политическое господство, подняться до положения национального класса, конституироваться как нация... Национальная обособленность и противоположности народов все более и более исчезают уже с развитием буржуазии, со свободой торговли, всемирным рынком, с единообразием промышленного производства и соответствующих ему условий жизни. Господство пролетариата еще более ускорит их исчезновение»³.

Соответственно, идеи государственного патриотизма, национального патриотизма вообще трактовались основоположниками «научного коммунизма» в сугубо отрицательном контексте – как порождение буржуазного общественно-экономического строя, а такое понятие, как «нация» являлось, по сути, синонимом буржуазии, пришедшей в своё время к власти в результате революционного переворота. Подобная оценка понятий «Отечество» и «патриотизм» на протяжении десятилетий служила предметом острой полемики в европейских интеллектуальных кругах. Не остались от нее в стороне и русские марксисты. Г. В. Плеханов в статье «Патриотизм и социализм» (1905 г.) попытался дать свою трактовку знаменитым словам К. Маркса из «Манифеста»: «Слова «рабочие не имеют отечества» написаны были в ответ идеологам буржуазии, обвинявшим коммунистов в том, что те хотят «уничтожить отечество». Ясно, стало быть, что у авторов Манифеста речь шла об «отечестве», понимаемом в совершенно определенном смысле, т. е. в том смысле, который придавали этому понятию буржуазные идеологи... Так как по условиям современного мирового хозяйства социалистическая революция, которая положит конец господству капитала, должна быть международной, то в умах сознательных рабочих идея *отечества*, объединяющего в одно солидарное и полное «исключительности» целое все классы общества, по необходимости должна уступить место бесконечно более широкой идее солидарности революционного человечества, т. е. «пролетариев всех стран». И чем шире делается могучая река современного рабочего движения, тем дальше отступает психология патриотизма перед психологией интернационализма»⁴.

Вопрос об отношении к идеологии государственного и национального патриотизма рассматривался западноевропейскими марксистами и их последователями в России с точки зрения решения конкретных задач социальной борьбы. Идея Отечества, чувство «национальной привязанности», в своей буржуазной интерпретации, по мнению левых интернационалистов, разобщали народные массы, являлись препятствием на пути к их революционной организации и поэтому подлежали осуждению. Подобное отношение к патриотической идее было

---

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч.: В 50 т. М., 1955–1981. Т. 4. С. 444.

⁴ Плеханов Г. В. Избранные философские произведения: В 5 т. М., 1956–1958. Т. 3. С. 90, 94–95 (курсив в оригинале).

также характерно и для многих представителей русского революционного движения XIX столетия, развивавшегося под влиянием западноевропейской просветительской и социалистической мысли.

«Патриотизм» господствующего дворянского сословия, его культура, религия традиционно являлись для российских революционеров официальным идеологическим обоснованием существующих в стране социально-политических порядков. Уваровская «теория официальной народности», консервативная «охранительная» публицистика, попытки внедрения элементов русского национализма в имперскую идеологию при Александре III, дискриминационная политика в отношении «инородцев», позиция Православной Церкви, благословлявшей действия правящих кругов, – все эти проявления «великодержавного» курса царской власти в области идеологии, религии, культуры и национальных отношений служили объектом беспощадной критики со стороны левой интеллигенции – от революционных демократов 1840-х гг. до русских марксистов начала XX века. В этом отношении показательны высказывание А. И. Герцена, характеризующее идеологическую политику Николая I: «Россия, патриотизм были всего лишь средством укрепить самодержавие, народ никогда не обманывался насчет национализма Николая; ярчайшее выражение его царствования – девиз деспотизма: «Пусть погибнет Россия, лишь бы власть осталась неограниченной и нерушимой»»⁵.

Зачастую антипатриотизм являлся своеобразным «ответом» оппозиционно настроенных слоев российского общества XIX столетия на существующий идеологический «патриотический» официоз. При этом понятия «угнетающее самодержавное государство» и «Родина» нередко отождествлялись. Такая негативная оценка России, ее национальной истории представителями дворянской и «разночинной» интеллигенции берет свое начало в знаменитом первом «Философическом письме» П. Я. Чаадаева (1829 г.), в котором он, по его же словам, оказался «желчным в отзывах о родине», утверждая, что русские «миру ничего не дали, ничего у мира не взяли»⁶. «Как сладостно отчизну ненавидеть!! / И жадно ждать ее уничтоженья», – восклицал философ-эмигрант эпохи Николая I В. С. Печерин⁷. Спустя полвека ему вторил русский поэт В. Я. Брюсов, разделявший леворадикальные взгляды своего времени: «Родину я ненавижу, – / я люблю идеал человека»⁸. Поэт-народник П. Ф. Якубович в стихотворении «К Родине», написанном на каторге, отвергал саму идею любви к своей отчизне, обрекающей ее сынов на страдания: «За что любить тебя? Какая ты нам мать, / Когда и мачеха бесчеловечно-злая / Не станет пасынка так беспощадно гнать, / Как ты детей своих казнишь, не уставая?»⁹.

Подобное отношение к своей стране формировалось не без влияния западной культуры и идеологии. В представлении русских «западников» («правых» и «левых») Европа являлась оплотом передовой современной цивилизации и родиной наиболее прогрессивных социальных и политических учений. В разработке собственных идеологических концепций русские революционеры опирались на труды своих западных учителей. Это касалось и национального вопроса. Понятие «национальность», наполняющее патриотическую идею реальным культурно-этническим содержанием, также виделось отдельным представителям революционной интеллигенции препятствием на пути осуществления мечты о «всемирном социалистическом братстве». Так, М. В. Буташевич-Петрашевский, следуя учению западноевропейских социалистов-утопистов, считал, что «социализм есть доктрина космополитическая, стоящая выше национальностей: для социалиста различие народов исчезает, есть только люди»¹⁰.

⁵ Герцен А. И. Собр. соч.: В 30 т. М., 1954–1966. Т. 7. С. 201.

⁶ Чаадаев П. Я. Поли. собр. соч.: В 2 т. М., 1991. Т. 1. С. 330, 338.

⁷ Цит. по: О России и русской философской культуре. М., 1990. С. 75.

⁸ Брюсов В. Я. Собр. соч.: В 7 т. М., 1973–1975. Т. 1. С. 100.

⁹ Цит. по: «О русской земле!» Сб. М., 1971. С. 221.

¹⁰ Философские и общественно-политические произведения петрашевцев. М., 1953. С. 432.

Показательно, что в трудах ряда ведущих революционных мыслителей 1820–50-х гг. официальному патриотизму противопоставлялась идея подлинного «народного» патриотизма. Русский народ (прежде всего крестьянство) рассматривался ими как один из наиболее бесправных и угнетаемых в Империи и поэтому провозглашался потенциальной движущей силой в национально-освободительной борьбе и в будущих великих социальных преобразованиях. Подобные взгляды отчетливо просматриваются в программных документах и художественных произведениях декабристов, публицистике и письмах В. Г. Белинского, А. И. Герцена, статьях и поэзии Н. П. Огарева.

Для декабристов было характерно признание русских главенствующей нацией России. Основными факторами, способствовавшими формированию национального патриотизма как одной из главных составляющих идеологии декабризма, являлись: влияние идей европейских просветителей второй половины XVIII века и Великой французской революции, противопоставивших народный (буржуазный по своей сути) «национализм» прежнему пониманию патриотизма как выражения «дворянской преданности» своему монарху; осознание того, что русские являются наиболее угнетаемым народом Российской империи; осуждение «антинациональных» проявлений в политике Александра I (в частности, его намерения присоединить в 1817 г. к подвластной царской короне польской территории исконно русские земли); неприятие «иностранныго засилья» (прежде всего, немецкого) в высших слоях царской бюрократии¹¹. Именно «немецкая централизация» в последние годы правления императора вызвала, по мнению поэта и революционера Н. П. Огарева, ответную реакцию в русских патриотических кругах: «Петербургская централизация была наследие немецкое; вызвав русские силы на свет, она осталась немецкою... Немецкая централизация в Петербурге проникнута духом татарщины и была уродливым соединением кнута с шпицрутенами, грабежа с канцелярией. Противодействующие ей силы выразились в том блестящем меньшинстве, из которого возникло 14 декабря; оно соединяло в себе чутье русского народного социализма с французско-либеральным понятием гражданского права, требовало освобождения крестьян и колебалось между республикой и конституционной монархией...»¹².

Особое влияние на формирование патриотических взглядов декабристов имели события Отечественной войны 1812 г., в которой многие из них приняли участие. Как отметит впоследствии М. И. Муравьев-Апостол, «именно 1812 год, а вовсе не заграничный поход создал последующее общественное движение, которое было в своей сущности не заимствованным, не европейским, а чисто русским»¹³. «Мы были дети 12 года», – скажут о себе позднее первые революционеры России¹⁴. Отечественная война 1812 г. оценивалась декабристами как событие, оказавшее решающее влияние на формирование национального самосознания русских. Декабрист И. Д. Якушкин писал: «Война 1812 г. пробудила народ русский к жизни и составляет важный период в его политическом существовании»¹⁵. По мнению декабриста А. Е. Розена, «народная война вызвала такую уверенность в народной силе и патриотической восторженности, о коих до того времени никакого понятия, никакого предчувствия не имели»¹⁶. Более сотни будущих представителей декабристского движения участвовали в Отечественной войне 1812 г., 65 человек сражались на поле Бородина¹⁷. Именно декабристы первыми указали на народный характер этой войны, явившейся, по их мнению, определяющим событием в форми-

¹¹ См.: Федоров В. А. Декабристы и их время. М., 1992. С. 56; Якушкин И. Д. Записки // Декабристы. Избранные сочинения: В 2 т. М., 1987. Т. 2. С. 388–389.

¹² Огарев Н. П. Избр. соч.: В 2 т. М., 1956. Т. 2. С. 446–447.

¹³ Цит. по: Афанасьев В. В. Рылеев. Жизнеописание. М., 1982. С. 300.

¹⁴ Мемуары декабристов. Южное общество. М., 1982. С. 178.

¹⁵ Записки декабриста И. Д. Якушкина. М., 1951. С. 7.

¹⁶ Розен А. Е. Записки декабриста. Иркутск, 1984. С. 56.

¹⁷ Федоров В. А. Декабристы и их время. С. 40.

ровании гражданственности и патриотизма в русском обществе. «Наполеон вторгся в Россию, тогда народ русский ощутил свою силу, тогда пробудилось во всех сердцах чувство независимости, сперва политической, а впоследствии народной. Вот начало свободомыслия России», – отметит позднее декабрист А. А. Бестужев¹⁸. Яркое проявившийся в годы войны патриотизм русских, стремление к национальной независимости могли бы стать, по мысли декабристов, прочной основой для будущих социальных преобразований. Свержение самодержавной власти, ликвидация крепостнических порядков, социальное освобождение народа рассматривались участниками движения 14 декабря как задачи, от решения которых зависела историческая судьба Российского государства. Тем болезненнее была реакция многих декабристов на бесправное положение народа-победителя. Н. И. Тургенев писал: «Можно ли будет без сердечной горести видеть то, что я всего более люблю и уважаю, русский народ, в рабстве и унижении?»¹⁹.

Декабристы стремились создать собственную патриотическую идеологию, которая служила бы теоретическим обоснованием революционного движения и социальных преобразований в новой России. Как справедливо отмечал историк В. А. Федоров, патриотизм декабристов «коренным образом отличался от официального». По мнению ученого, декабристы «главную свою задачу видели в борьбе с феодально-абсолютистскими порядками и считали, что прогресс нации может быть обеспечен лишь коренными политическими преобразованиями... Борьба за эти преобразования рассматривалась ими в первую очередь как глубоко патриотическая задача «спасения» России»²⁰. Показательно, что первая декабристская организация называлась Союз спасения или Союз истинных и верных сынов Отечества. Одной из главных задач этого тайного общества было «отстранение иноземцев от влияния в государстве»²¹. Патриотическая идея стала одной из основополагающих компонент в идеологии декабризма. Это находило свое выражение даже в личных документах членов Тайного общества. Так, декабрист М. Ф. Орлов в письме С. Г. Волконской подчеркивал: «Прежде всего, каждый русский должен быть русским во всем. Во всем должна господствовать идея родины. Именно ей он должен посвятить свои усилия, свои успехи, свои надежды»²². К. Ф. Рылеев полагал, что для приема нового члена в Северное общество необходимым условием являлась бы «пламенная любовь к России» и готовность пойти «для благ ее... на всякое самоотвержение»²³. Примечательно, что в современной российской историографии обозначилось направление, выделяющее «государственнический» и даже «националистический» характер идеологии декабристов. Так, историк С. М. Сергеев отмечает: «Декабристы, подобно своим отцам, отнюдь не чувствовали себя «лишними людьми», «государственными отщепенцами»... Будущие члены Тайного общества... были готовы пойти на прямое неповиновение верховной власти во имя интересов государства, истинными выразителями которых они себя ощущали. Служение Отечеству перестало быть для них синонимом служению монарху, их патриотизм – уже не династический, а националистический, патриотизм *граждан*, а не *верноподданных*»²⁴.

Постреволюционная Россия виделась многим декабристам как государство русского народа. Так, в программном документе Южного общества «Русская правда» (1823 г.), составленном П. И. Пестелем, даже предлагались меры по ассимиляции всех малых народов новой революционной республики с русским народом. Руководитель Южного общества утверждал, что «в отношении к различным народам и племенам, Россию населяющим, беспрестанно

¹⁸ К истории суда над декабристами // Советские архивы. 1963. № 1. С. 35.

¹⁹ Декабрист Н. И. Тургенев: Письма к брату С. И. Тургеневу. М.-Л., 1936. С. 198.

²⁰ Федоров В. А. Декабристы и их время. С. 42.

²¹ Восстание декабристов. Материалы. Документы. М., Л., 1925-1986. Т. 3. С. 49.

²² Цит. по: Ланда С. С. Дух революционных преобразований. М., 1975. С. 179.

²³ Цит. по: Бокова В. М. Эпоха тайных обществ. М., 2003. С. 462.

²⁴ Сергеев С. М. Восстановление свободы. Демократический национализм декабристов // Вопросы национализма. 2010. № 2. С. 79–80.

должно неременную цель иметь в виду, чтобы составить из них всех только один народ и все различные оттенки в одну общую массу слить так, чтобы обитатели целого пространства Российского Государства все были Русские»²⁵. Далее П. И. Пестелем указываются «многообразные способы» к достижению поставленной цели «русификации» народов страны: «Средства общие состоят главнейшее в том, чтобы, во-первых, на целом пространстве Российского государства господствовал один только язык Российский (имеется в виду русский язык – А. К.). Во-вторых: так как ныне существующее различие в названиях народов и племен, Россию наполняющих, всегда составлять будет из жителей Российского Государства отдельные друг от друга массы и никогда не допустит столь для блага отечества необходимого совершенного в России единства, то чтобы все или различные имена были уничтожены и везде во всеобщее название Русских воедино слиты»²⁶. Показательно, что русской ассимиляции по данному проекту подлежали и «народы кавказские» (народы Северного Кавказа – А. К.). Данные народы подразделялись на два разряда: «мирные» (находившиеся под властью России) и «буйные» (сопротивляющиеся русской экспансии). Если первой группе возможно было «дать российское правление и устройство», то вторую, по мнению Пестеля, следовало «силою переселить во внутренность России», сломив их сопротивление и также предоставив ей права российского гражданства²⁷.

Эти жесткие меры, предлагаемые автором «Русской правды», не являлись свидетельством его ксенофобии. Как отмечает историк О. И. Киянская, Пестель считал, что «любое национальное своеобразие: культурное, религиозное или политическое – уничтожало принцип равных возможностей. И поэтому народам предоставлялся выбор: либо слиться с русскими, приняв их образ жизни и формы правления, либо испытать на себе много неприятностей – вплоть до выселения из страны»²⁸. В современной российской историографии приводится и другое истолкование «русификаторского» проекта, предлагаемого П. И. Пестелем. По мнению историка Н. Д. Денисовой, подобные взгляды являлись реакцией декабристов на дискриминационную политику, проводимую правительственными кругами Империи в отношении русского народа. Автор монографии, посвященной национально-правовым аспектам «Русской правды», отмечает: «Российское правительство начала 19 века... старалось по возможности облегчить участь нерусских народов, особенно тех, которые были недавно присоединены. Подобное стремление можно было бы только приветствовать, если бы в результате несоразмерная тяжесть государственных расходов, военных и трудовых повинностей не ложилась преимущественно на русский народ... Таким образом, на практике существовала явная диспропорция соотношения прав и обязанностей русского народа и других народов России – не в пользу первого (что представляло собой грубое и недопустимое нарушение принципов, на которых, как считал Пестель, должно быть основано государственное устройство). Принадлежность к русской нации не давала никаких особых преимуществ ни народу, ни знати... Ставя задачу создания единой нации, которая в конкретных условиях данной страны могла означать лишь русификацию, Пестель обязан был учесть это обстоятельство»²⁹. Конечной целью будущего государственного и национального переустройства для Пестеля являлось «построение единой и неделимой России», в которой все племена и народы сольются в единый русский народ³⁰.

Подобный путь решения национального вопроса в «Русской правде» П. И. Пестеля служил в советской историографии декабризма объектом жесткой научной критики. Так, историк Н. С. Прозорова писала о пренебрежительном отношении Пестеля к национальной куль-

²⁵ Восстание декабристов. Т. 7. С. 121.

²⁶ Восстание декабристов. Т. 7. С. 121.

²⁷ Там же. С. 144–145.

²⁸ Киянская О. И. Павел Пестель: офицер, разведчик, заговорщик. М., 2002. С. 225.

²⁹ Денисова Н. Д. Национальный вопрос в конституционном проекте П. И. Пестеля «Русская правда». М., 2004. С. 106–107.

³⁰ Там же. С. 107.

туре и национальным языкам народов России³¹, историк Р. Х. Яхин подчеркивал «дворянскую ограниченность» автора «Русской правды»³². Ведущий декабристовед, академик М. В. Нечкина утверждала, что политическая идеология Пестеля, «его взгляды на национальный вопрос носили на себе печать великодержавности»³³. Б. Карташев и В. Муравьев даже заявили, что «национальный вопрос Пестелем разрешался шовинистически»³⁴. Однако, как справедливо отмечает историк Н. Д. Денисова, «у Пестеля же, наоборот, предусмотрено слияние всех народов России в единый русский народ, так что о ненависти и речи быть не может»³⁵.

Являясь убежденным сторонником централизованного унитарного государства, П. И. Пестель категорически отвергал принцип федерализма: «Легко убедиться можно в решительном преимуществе неразделимого образования государства над федеративным, особенно применяя оное к России при обширном ее пространстве и большом количестве племен и народов, ее населяющих»³⁶. Федеративная форма устройства республики, по мнению автора документа, могла бы стать помехой и для идеологии государственного патриотизма, необходимой для объединения всех граждан страны: «Слово государство при таком образовании будет слово пустое, ибо никто нигде не будет видеть государства, но всякий везде только свою частную область; и потому любовь к отечеству будет ограничиваться любовью к одной своей области»³⁷. Кроме того, исторический пример «удельной системы» в Древней Руси (эту систему Пестель называл «видом федеративного устройства») показывал, что страна «горькими опытами и долготлетними бедствиями жестоко заплатила за сию ошибку в прежнем ее государственном образовании»³⁸. Несмотря на то, что в другой программе декабристов – «Конституции» Н. Муравьева (1825 г.) первоначально провозглашалась федеративная форма будущего государственного устройства, как необходимое средство противодействия чрезмерному усилению центральной власти, в окончательном (третьем) варианте документа принцип федерализма фактически отвергался. Предполагаемые автономные державы превращались в «области, равные нынешним генерал-губернаторствам», а их столицы – в обычные административные центры, подчиненные верховной государственной власти³⁹. Таким образом, к моменту своего выступления декабристские организации склонялись к учреждению унитарной формы государственного устройства после прихода к власти. В «Конституции», также как и в «Русской правде» население страны провозглашалось русским: «Русскими почитаются все коренные жители России и дети иностранцев, родившиеся в России»⁴⁰. Тот же принцип распространялся и на построение социальной структуры будущего государства: «Названия и сословия однодворцев, мещан, дворян, именитых граждан заменяются все названием Гражданина или Русского»⁴¹. Каждый гражданин был «обязан носить общественные повинности, повиноваться законам и властям отечества и явиться на защиту Родины, когда востребует того Закон»⁴².

Следование идеям русского патриотизма нашло свое отражение и в литературном творчестве декабристов. Участники тайных революционных обществ, многие из которых были талантливыми литераторами, обращались в своих произведениях к героическому прошлому

³¹ Прозорова Н. С. Политические взгляды П. И. Пестеля // Автореф. дисс... канд. юрид. наук. М., 1952. С. 14.

³² Яхин Р. Х. Государственно-правовые взгляды П. И. Пестеля // Автореф. дисс. канд. юрид. наук. М., 1952. С. 14.

³³ Нечкина М. В. Движение декабристов: В 2 т. М., 1955, Т. 2. С. 83.

³⁴ Карташев Б., Муравьев В. Пестель. М., 1958. С. 266.

³⁵ Денисова Н. Д. Национальный вопрос. С. 109.

³⁶ Там же. С. 126.

³⁷ Там же.

³⁸ Там же. С. 127.

³⁹ См.: Дружинин Н. М. Революционное движение в России в XIX в. М., 1985. С. 296.

⁴⁰ Проект Конституции Н. Муравьева // Декабристы. Избранные сочинения.: В 2 т. Т. 1. С. 86.

⁴¹ Там же. С. 88.

⁴² Там же.

русского народа, черпая в нем реальные исторические факты, которые способствовали бы пропаганде в обществе идей свободолюбия, национальной независимости, любви к своей Отчизне. Эти мотивы отчетливо проявились в «Думах» К. Ф. Рыльева («Димитрий Донской», «Иван Сусанин», «Волынский»), стихотворениях П. А. Катенина («Мстислав Мстиславич»), А. А. Бестужева («Михаил Тверской») и др. Глубоко патриотическими по своей идейной направленности явились «Письма русского офицера» декабриста Ф. Н. Глинки, повествующие о подвиге русского народа в Отечественной Войне 1812 года. В своих пропагандистских сочинениях, написанных для простонародья, декабристы поднимали тему «иноземного засилья» в царской бюрократии эпохи Александра I и в русском обществе тех лет, тем самым оценивая существующий политический порядок как антинациональный (например, в агитационной песне «Царь наш – немец русский» К. Ф. Рыльева и А. А. Бестужева)⁴³.

Уже после подавления восстания 14 декабря 1825 г. участники движения на допросах открыто декларировали свою приверженность патриотической идее, как моральной основе своей политической деятельности. Так, в показаниях следственной комиссии поэт и декабрист В. К. Кюхельбекер отмечал: «Взирая на блистательные качества, которыми бог одарил народ Русский, народ первый в свете по славе и могуществу своему, по своему звучному, богатому, мощному языку, коему в Европе нет подобного, наконец по радушию, мягкосердию, остроумию и непамятозлобию, ему пред всеми свойственному, я душой скорбел, что все это подавляется, все это вянет и, быть может, опадет, не принеся никакого плода в нравственном мире!»⁴⁴. Член общества Соединенных славян Я. М. Андреевич заявил следователям: «Желая блага своему отечеству, видя его угнетаемо несправедливостями... решился отыскать причину злополучия моих соотечественников и, найдя, истребить оную, хотя бы самому стоило жизни»⁴⁵. В своем письме к родителям, написанном незадолго до казни, П. И. Пестель сделал следующее признание, излагающее мотивы его политической деятельности: «Настоящая моя история заключается в двух словах: я страстно любил мое Отечество, я желал ему счастья»⁴⁶. Декабрист А. А. Бестужев в письме Николаю I утверждал, что члены тайного общества решились на переворот, основываясь «вообще на правах народных и в особенности на затерянных русских»⁴⁷. Об униженном положении русских и искусственно создаваемых препятствиях, не позволяющих представителям коренной национальности занимать значимые государственные посты, писал молодому императору П. Г. Каховский: «Мне мало известны способности государственных людей, но как ревностному сыну отечества простительно надеяться, что у нас, конечно, нашлись бы русские заместить места государственные, которыми теперь обладают иностранцы. Очень натурально, что такое преобладание обижает честолюбие русских и народ теряет к Правительству доверенность»⁴⁸.

Идеологи народничества А. И. Герцен и Н. П. Огарев, позиционировавшие себя правопреемниками декабризма, также считали русское население Российской империи ведущей силой революционных преобразований. Историческая роль, которую суждено будет сыграть русскому народу, представлялась теоретикам общинного «крестьянского социализма» как проявление своеобразного «революционного мессианизма»⁴⁹. Так, в статье 1849 г. «La

⁴³ К. Ф. Рылев и А. А. Бестужев // Декабристы. Избранные сочинения.: В 2 т. Т. 1. С. 238–239.

⁴⁴ Восстание декабристов. Т. 2. С. 166.

⁴⁵ Там же. Т. 5. С. 388.

⁴⁶ Бумаги И. Б. Пестеля // Русский Архив. 1975. Т. 4. С. 421.

⁴⁷ Цит. по: Афанасьев В. В. Рылев. Жизнеописание. С. 300.

⁴⁸ Цит. по: Из писем и показаний декабристов. СПб., 1906. С. 20–21.

⁴⁹ Примечательно, что именно в этом, полвека спустя, обвиняли А. И. Герцена социал-демократические публицисты. Так, Л. Д. Троцкий в своей статье, посвященной 100-летию со дня рождения великого писателя и революционера (1912 г.), критикуя Герцена за утопические народнические взгляды, назвал его «социальным русофилом» и «провозвестником русского мессианизма» (См.: Троцкий Л. Д. Герцен и Запад (К столетию со дня рождения) // Троцкий Л. Д. Политические силуэты. М., 1990. С. 203.

Russie» («Россия») А. И. Герцен утверждал: «Россия приходит к жизни как народ... гордый своей силой, в эпоху, когда другие народы чувствуют себя усталыми и на закате... Множество народов сошло с исторической сцены, не изведав всей полноты жизни, но у них не было таких колоссальных притязаний на будущее, как у России»⁵⁰. Герцен предрекал великое будущее России, русскому народу, как «молодой» европейской нации, которую еще не затронуло разложение буржуазного «мещанского» Запада, и которой суждено сказать свое «новое слово» в социалистическом преобразовании мира: «Национальный элемент, привносимый Россией, – это свежесть молодости и природное тяготение к социалистическим установлениям»⁵¹. «Просвещенная Европа», по мысли бывшего представителя радикального западничества, после подавления революций 1848 г. исчерпала свой политический и идеологический потенциал: «Роль теперешней Европы кончена; после 1848 года она разлагается с неимоверной быстротой»⁵². Как справедливо отмечал биограф Герцена В. А. Прокофьев, «убежденный в том, что умирающая Европа завещала грядущему миру социализм, Герцен отвернулся от полутрупа, он ищет, откуда придет этот грядущий мир. Именно духовная драма, пережитая Герценом на Западе, заставила его повернуться к нему спиной, обратить все свои взоры, возложить все надежды на мир славянский, на Россию»⁵³.

Осуждая «допетровский» и «петербургский» деспотизм (при общей положительной оценке преобразований Петра I), А. И. Герцен обозначал последний не только как антинародный по своей сути, но, прежде всего, как антирусский, антиславянский. Характеризуя высший бюрократический слой эпохи Николая I в работе «О развитии революционных идей в России» (1851 г.), ее автор отмечал: «Русское правительство – не русское, но вообще деспотическое и ретроградное. Как говорят славянофилы, оно скорее немецкое, чем русское, – это-то и объясняет расположение и любовь к нему других государств. Петербург – это новый Рим, Рим мирового рабства, столица абсолютизма; вот почему русский император братается с австрийским и помогает ему угнетать славян. Принцип его власти не национален, абсолютизм более космополитичен, чем революция»⁵⁴. Романовская монархия «рода Гольштейн-Готторпов», состоящая в союзе с Австро-Венгрией и Пруссией, покровительствуя «немецким своякам и дядям», являлась, по мнению Герцена, главным препятствием к общеславянскому единству. Это единство может быть достигнуто только в результате социальной революции, когда «сгруппировавшись в союз свободных и самобытных народов, славянский мир вступит, наконец, в истинно историческое существование»⁵⁵. Следуя идее революционного панславизма, Герцен задается вопросом: «Не имеем ли мы право считать Россию зерном кристаллизации, тем центром, к которому тяготеет стремящийся к единству славянский мир, и это тем более, что Россия покуда единственная часть великого племени, сложившаяся в сильное и независимое государство?»⁵⁶. Единая славянская республика – ««союз свободных и самобытных народов» должна будет организована на основе «федерализации», поскольку «централизация» противна славянскому духу»⁵⁷. Однако, именно царизм являлся главным препятствием для естественного исторического тяготения славянских народов к объединению, центром которого могла бы стать Россия. Как подчеркивал А. И. Герцен, «свободная федерация» славян невозможна при самодержавии, поскольку Николай I своей политикой предаст интересы братских славян-

⁵⁰ Герцен А. И. Собр. соч.: В 30 т. М., 1954–1965. Т. 6. С. 220–221.

⁵¹ Там же. Т. 7. С. 255.

⁵² Там же. Т. 12. С. 167.

⁵³ Прокофьев В. А. Герцен. М., 1987. С. 268–269.

⁵⁴ Герцен А. И. Собр. соч. Т. 7. С. 255.

⁵⁵ Там же. С. 315.

⁵⁶ Там же. С. 316.

⁵⁷ Там же. С. 315.

ских народов, «предоставляет помощь и золото палачам славян... Он боится всякого движения, всякой жизни; он боится национального сознания, он боится пропаганды»⁵⁸.

Другой теоретик революционного народничества М. А. Бакунин, также являвшийся сторонником идеи панславизма и осуждавший германские абсолютистские режимы (к которым он причислял и русский царизм), в отличие от А. И. Герцена, не рассматривал Россию как возможный центр объединения для создания будущей славянской федерации. В своей статье «Основы новой славянской политики» (1849 г.) он утверждал, что политика освобожденного от иноземного порабощения славянства станет не политикой государств, а политикой «независимых свободных людей», которые «основывают свое новое могущество на неразрывном и братском союзе всех народов, составляющих славянское племя, и не будут искать никакой другой централизации, кроме той, которая вытекает из соединения всех славян»⁵⁹. В статьях Бакунина конца 1840-х – начала 1850-х гг. все отчетливее стали проявляться элементы революционного анархизма, отрицалась идея государственности, объединение славянских народов сводилось к созданию абстрактной свободной федерации с общим гражданством. В противоположность этой точке зрения, А. И. Герцен в «Письме русского к Маццини» (1849 г.) подчеркивал ведущую роль России, как «сильного и независимого государства» в сплочении славянских народов после революции. «Россия – это организованный славянский мир, это славянское государство. Именно ей должна принадлежать гегемония» – писал он⁶⁰. Примечательно, что тремя годами ранее, указывая на «искусственный» характер и «безнациональность» Австрийской империи, друг Герцена, литературный критик В. Г. Белинский также писал о той роли, которая предначертана историей России – единственному независимому славянскому государству: «Мы скажем, что решительно не верим в возможность крепкого политического и государственного существования народов, лишенных национальности, следовательно, живущих чисто внешнею жизнью. В Европе есть одно такое искусственное государство, склеенное из многих национальностей; но кому же не известно, что его крепость и сила – до поры и времени? Нам, русским, нечего сомневаться в нашем политическом и государственном значении: из всех славянских племен только мы сложились в крепкое и могучее государство... В народе, чуждом внутреннего развития, не может быть этой крепости, этой силы. Да, в нас есть национальная жизнь, мы призваны сказать миру свое слово, свою мысль»⁶¹.

В годы Крымской войны, несмотря на враждебные выпады в свой адрес английской, французской и немецкой печати, революционер-эмигрант А. И. Герцен постоянно подчеркивал, что остается патриотом своей Родины, верящим в великое будущее русского народа, призванного сплотить славянство в революционной борьбе. Так, в своей речи «Народный сход в память Февральской революции», произнесенной в Лондоне в феврале 1855 г., Герцен, в ответ на выдвинутые против него «буржграфами революции» обвинения в панславизме и при-

⁵⁸ Там же. Т. 6. С. 235.

⁵⁹ Цит. по: Бутаков Я. А. М. А. Бакунин // Общественная мысль России XVIII – начала XX века: Энциклопедия. М., 2005. С. 36–37.

⁶⁰ Герцен А. И. Собр. соч. Т. 6. С. 235 (курсив – в оригинале). Столицей будущей общеславянской федерации А. И. Герцен, тем не менее, предполагал не Москву или какой-либо другой российский город, а Константинополь, находящийся на стыке славянской и восточной цивилизаций. В письме к английскому поэту и издателю В. Линтону («Старый мир и Россия», 1854 г.) Герцен писал об этом следующее: «Время славянского мира настало... Где водрузит он свое знамя? К какому центру он тяготеет?... Ни Вена, город рококо-немецкий, ни Петербург, город новонемецкий, ни Варшава, город католический, ни Москва, город только русский, – не могут претендовать на роль столицы объединенных славян. Этой столицей может стать Константинополь – Рим восточной церкви, центр притяжения всех славяно-греков, город, окруженный славяно-эллинским населением» (Там же. Т. 12. С. 199). Парадоксальным образом суждение Герцена совпало со взглядами его давнего оппонента – консервативного мыслителя, историка и идеолога панславизма М. П. Погодина, также считавшего Константинополь возможной столицей будущего единого славянского государства (т. н. «Дунайского союза»), но организованного на совершенно иных социально-политических началах, под эгидой русского православного царя (См.: Багдасарян В. Э. Панславизм // Русский консерватизм середины XVIII – начала XX века: Энциклопедия. М., 2010. С. 342).

⁶¹ Белинский В. Г. Собр. соч.: В 9 т. М., 1976–1982. Т. 8. С. 195.

верженности к России и «русскости», заявил: «Мне стали ставить в укор любовь мою к славянам, мою веру в величие их будущности, наконец, самую мою деятельность... Доселе никогда еще не требовали ни от одного выходца или изгнанника, чтобы он ненавидел свое племя, свой народ... Если б я ненавидел русский народ, если б я не верил в него, меня бы не было здесь»⁶². По свидетельствам современников, речь Герцена, посвященная революционному движению в России, произвела огромное впечатление на западную аудиторию⁶³. Внимательно следивший за драматическими событиями Крымской кампании «лондонский изгнанник» с восхищением писал о подлинном героизме русских солдат, противопоставляя его политическому режиму Николая I с его псевдопатриотической риторикой: «Год, который был так беспощаден для царя (1855 г. – А. К.), показал нам снова неисчерпаемую, здоровую мощь русского народа. Как все это странно и полно глубокого значения! Русь оживала в то время, как он отходил, и отходил от того, что *не имел веры в свой народ*»⁶⁴. Он знал Альму и Евпаторию⁶⁵, но крымской Сарагосы⁶⁶, но богатырской защиты Севастополя не предвидел... Воздух 1612 и 1812 годов повеял в России при вести о неприятельском нашествии, и ни один человек не поверил турецко-крестовому походу за «просвещение и свободу»⁶⁷. Как полагал А. И. Герцен, события войны послужат существенной политической активизации российского общества⁶⁸.

Стремление к объединению всех оппозиционно настроенных к николаевской «немецкой» монархии русских патриотов привело А. И. Герцена к мысли о возможном союзе сторонников «крестьянского социализма» со славянофилами. Призывая своих недавних оппонентов оставить «ставшую отныне ребяческую борьбу, соединиться во имя России, а также во имя независимости», Герцен обозначает ту идеологическую основу, на которой, по его мнению, мог бы состояться политический союз: «А социализм, который так решительно, так глубоко разделяет Европу на два враждебных лагеря, – разве не признан он славянофилами так же, как нами? Это мост, на котором мы можем подать друг другу руку»⁶⁹. Несмотря на явный утопизм этого предложения следует отметить, что надежды Герцена привлечь на сторону русских социалистов бывших «друзей-врагов» из славянофильского лагеря имели под собой определенную основу. Славянофилы, так же как и их недавние оппоненты – революционные западники 1840-х гг., перешедшие в последние годы николаевского царствования на позиции русского патриотизма и панславизма (А. И. Герцен, Н. П. Огарев, М. А. Бакунин) – выступали за самобытный путь развития России и русского народа, являлись сторонниками крестьянского общинного устройства как основы хозяйственной и социальной жизни деревни, обличали крепостнические порядки и «душевно-деспотизм» петербургской власти. Политический режим имперской России оценивался славянофилами как антинациональный по своей сути. И. С. Аксаков писал: «Детищам петербургского периода нашей истории ненавистнее всего... не революционеры, но люди, стоящие за русскую народность»⁷⁰. Ему же принадлежат слова, характеризующие положение русского народа в Империи: «Народ и не подозревает, что он служит только орудием для исполнения замыслов, направленных против существенных интересов русской

⁶² Герцен А. И. Собр. соч. Т. 12. С. 254.

⁶³ Там же. С. 533–534.

⁶⁴ Курсив в оригинале.

⁶⁵ Речь идет о сражении с силами англо-французского экспедиционного корпуса при реке Альме в Крыму (сентябрь 1854 г.), в котором русская армия потерпела поражение, а также ее неудачное наступление на Евпаторию (февраль 1855 г.).

⁶⁶ Севастополь А. И. Герцен уподобил испанскому городу Сарагосе, героически оборонявшемуся в 1808–1809 гг. от наполеоновских войск.

⁶⁷ Лозунгом борьбы за «просвещение и свободу» французский император Наполеон III стремился обосновать свою интервенцию против России.

⁶⁸ Герцен А. И. Собр. соч. Т. 12. С. 308.

⁶⁹ Там же. Т. 7. С. 248.

⁷⁰ Цит. по: Цимбаев Н. И. И. С. Аксаков в общественной жизни пореформенной России. М., 1978. С. 248.

земли и русской народности, он и не подозревает, что он, в сущности, презираем. Его разумению недоступны те хитросплетенные узы, которыми опутывается его свобода, его жизнь, весь духовный мир России»⁷¹. Другой теоретик славянофильства, И. В. Киреевский указывал, что в имперской России «мнению русскому, живительному, необходимому для правильного здорового развития всего русского просвещения, не только негде было высказаться, но даже негде было образоваться»⁷². Так, в связи с усилением репрессивной политики властей в последние годы царствования Николая I (т. н. период «мрачного семилетия»), в марте 1849 г. был арестован деятель славянофильства Ю. Ф. Самарин. Как отмечает историк А. Левандовский, «Поводом к аресту послужили рукописные «Рижские письма», в которых Самарин весьма резко критиковал антинациональные, с его точки зрения, действия русской администрации в Остзейском крае». Вскоре после этого был арестован другой представитель славянофильского лагеря – И. С. Аксаков, «посмеявшийся» в своей частной переписке выразить возмущение произволом властей по отношению к его другу и соратнику. Той же весной у его брата Константина и отца Сергея Тимофеевича произошло неприятное столкновение с московской полицией, вынудившей их «в соответствии с высочайшим указом» сбрить бороды и отказаться от ношения русской одежды»⁷³.

При всей схожести оценок положения русских в Российской империи, приверженности идее социального освобождения народа, неприятию «немецкого» петербургского деспотизма, стремлению видеть в крестьянской общине основу для будущей организации национальной и хозяйственной жизни государства, предполагаемый А. И. Герценом союз между его сторонниками и представителями «московского» славянофильского кружка не мог состояться в принципе. Герцен и его единомышленники выступали за революционное преобразование России на основах «крестьянского социализма», в то время как славянофилы являлись сторонниками постепенного решения крестьянского вопроса путем «реформ сверху». Преклонение перед личностью «коронованного революционера» Петра I⁷⁴ (при всем сугубо отрицательном отношении к построенной им «немецкой» империи), пропаганда современных западных просветительских идей, призывы к объединению с революционными силами Европы в борьбе за установление республиканской формы правления на территории бывших монархий, наконец, атеистическое мировоззрение Герцена – все это не могло способствовать объединению сторонников воссоздания «допетровской» православной Руси с идеологами «русского социализма». Вместе с тем следует отметить, что представители славянофильства приняли деятельное участие в общественном движении 2-й половины 1850-х – начала 1860-х гг., используя для пропаганды своих идей возможности «Вольной русской типографии». Так, И. С. Аксаков в 1858–1863 гг. тайно посылал корреспонденции для лондонских изданий А. И. Герцена⁷⁵. Во второй половине 1850-х гг. своеобразным «информатором» и негласным сотрудником герценовских изданий являлся один из ведущих идеологов славянофильства Ю. Ф. Самарин⁷⁶.

Отдавая должное деятельности славянофилов 1840–50-х гг., являвшейся самобытным проявлением формирующегося общественного и национального сознания в годы николаевского царствования, А. И. Герцен впоследствии отметит: «С них начинается *перелом русской мысли*. И когда мы это говорим, кажется, нас нельзя заподозрить в пристрастии. Да, мы были противниками их, но очень странными. У нас была одна любовь, но *неодинакая*. У них и у нас запало с ранних лет одно сильное, безотчетное, физиологическое, страстное чувство, которое

⁷¹ Там же. С. 214.

⁷² Цит. по: Цимбаев Н. И. Славянофильство. М., 1986. С. 259.

⁷³ См.: Левандовский А. А. Время Грановского. М., 1990. С. 257.

⁷⁴ Герцен А. И. Собр. соч. Т. 7. С. 170.

⁷⁵ Воронин И. А. И. С. Аксаков // Общественная мысль России XVIII – начала XX века. С. 16.

⁷⁶ Прокофьев В. А. Герцен. С. 362.

они принимали за воспоминание, а мы – за пророчество: чувство безграничной, обхватывающей все существование любви к русскому народу, русскому быту, к русскому складу ума. И мы, как Янус или как двуглавый орел, смотрели в разные стороны, в то время как *сердце билось одно*»⁷⁷. Один из ведущих теоретиков революционно-демократического направления 1850-х – начала 60-х гг. Н. Г. Чернышевский, не являвшийся сторонником общественно-политической концепции, которой придерживались славянофилы, вместе с тем указывал, что их идеи – своеобразное и новое выражение патриотической и социальной мысли, отличающееся от традиционных западных учений, оправдывающих власть капитала. В статье «Заметки о журналах (1857 г.) он писал: «Человек, любящий родину и принимающий выводы науки на Западе, должен, однако же, сказать, что столь общее отрицание всякой справедливости в славянофильстве неосновательно. Если уж должно делать выбор, то лучше славянофильство, нежели та умственная дремота, то отрицание современных убеждений, которое часто прикрывается эгидою верности западной цивилизации, причем под западную цивилизацию понимаются чаще всего системы, уже отвергнутые западной наукой, и факты, наиболее прискорбные в западной действительности, например, порабощение труда капиталу, развитие искусственных потребностей, удовлетворяемых роскошью и т. д.»»⁷⁸.

В трудах ведущих теоретиков народничества 1860–70 гг. П. Н. Ткачева и П. Л. Лаврова социализм «утратит» свои специфические «русские» черты и будет рассматриваться как сугубо интернациональная идеология. Так, в своей статье «Революция и принцип национальности» (1878 г.) П. Н. Ткачёв подчеркивал: «Невозможно в одно и то же время быть социалистом и оставаться националистом; между принципом социализма и принципом национальности существует непримиримый антагонизм»⁷⁹. Другой революционер-народник П. Л. Лавров утверждал, что национальность – «не более, как случайное пособие или случайная помеха деятельности социализма»⁸⁰. Теоретик «революционного панславизма» М. А. Бакунин с конца 1860-х гг. становится сторонником всемирного братства народов, предусматривающего преобразование «свободной федерации индивидуумов в коммуны, коммун в провинции, провинций в нации, наконец, этих последних в Соединенные Штаты сперва Европы, а затем всего мира» («Федерализм, социализм и антитеологизм», 1869 г.⁸¹).

Первая половина XIX столетия – время становления революционного движения в России. Основывающаяся на просветительских, а позднее и на социалистических западных учениях, идеология этого движения в условиях самодержавия получила свое патриотическое выражение – как национальное и демократическое.

Патриотическая идея приобрела качественно иное, противоположное официальному идеологическому курсу содержание, согласно которому главным ее «носителем» провозглашались не царствующая династия и ее политические институты, а сам народ. Русский патриотизм, ярко выраженный в идеологии декабристов, в произведениях В. Г. Белинского, А. И. Герцена, Н. П. Огарева, являлся не только признанием исторической роли русского народа, но и реакцией на его социальную и национальную дискриминацию в Российской империи. Русские, как наиболее угнетаемая самодержавной властью нация, должны были стать движущей силой будущего революционного переворота и главенствующим этносом нового государства (унитарной русской республики – по проекту П. И. Пестеля, или политическим центром общеславянской федерации, как полагал А. И. Герцен). Отвергая официальную версию истории России как идеологическое обоснование деспотической власти, декабристы, В. Г. Белинский, А. И. Герцен

⁷⁷ Герцен А. И. Собр. соч. Т. 9. С. 170.

⁷⁸ Цит. по: Ланищев А. П. Николай Гаврилович Чернышевский. М., 1989. С. 145, 147.

⁷⁹ Цит. по: Вдовин А. И. Российская нация: Национальнополитические проблемы XX века и общенациональная российская идея. М., 1996. С. 48.

⁸⁰ Там же. С. 47.

⁸¹ Бутаков Я. А. Бакунин. С. 38.

предрекали великую будущность русскому народу как главной силе грядущих революционных преобразований, опирающейся на традиции социальной и национально-освободительной борьбы. Следует также отметить, что эта концепция в корне отличалась от антипатриотических и нигилистических оценок оппозиционно настроенной к самодержавию интеллигенции, отвергавшей прошлое и ставящей под сомнение историческое будущее русского народа. В 1860 – 70-е гг. русская революционная идеология утратила свое патриотическое содержание.

К концу XIX столетия, под влиянием западноевропейского марксистского учения, в среде российской радикальной интеллигенции распространяется сугубо интернационалистская трактовка социализма, ведущей силой и созидателем которого провозглашался «международный пролетариат». Однако, в условиях многонациональной Российской империи, при наличии наиболее многочисленного «государствообразующего» народа, русский («великорусский») вопрос, а также непосредственно связанные с ним вопросы отношения к патриотической идее и государству, оказали самое существенное влияние на идеологию и тактику революционной борьбы.

§ 2. Большевизм и русский вопрос в начале XX века

Большевики, позиционировавшие себя составной частью европейской социал-демократии («одним из отрядов всемирной армии пролетариата»⁸²), уделяли национальным проблемам своей страны особое внимание. В 9-м параграфе Программы партии, разработанной на II съезде РСДРП в 1903 г., в соответствии с известным положением марксистской теории, признавалось «право на самоопределение за всеми нациями, входящими в состав государства»⁸³. Однако практическое осуществление данного положения определялось необходимым условием: поддержка социал-демократией решения о государственном самоуправлении и отделении нации не должна была противоречить задачам «пролетарского интернационализма», т. е. классовой солидарности между рабочими разных национальностей в борьбе против существующего политического строя. Неоспоримым такое решение о самоопределении признавалось лишь в том случае, если оно вело к развитию революционной ситуации. Соответственно, поощрялся и национализм угнетаемого самодержавной властью конкретного народа. «В каждом буржуазном национализме угнетенной нации, – отмечал В. И. Ленин, – есть общедемократическое содержание против угнетения, и это-то содержание мы безусловно поддерживаем»⁸⁴. Вместе с тем, признавая прогрессивный характер борьбы «угнетенных наций» за своё социальное и национальное освобождение, вождь большевистского крыла РСДРП делал существенную оговорку: «Принцип национальности исторически неизбежен в буржуазном обществе, и, считаясь с этим обществом, марксист вполне признает историческую законность национальных движений. Но, чтобы это признание не превратилось в апологию национализма, надо, чтобы оно ограничивалось строжайше только тем, что есть прогрессивного в этих движениях, – чтобы это признание не вело к затемнению пролетарского сознания буржуазной идеологией»⁸⁵.

Принцип «национального самоопределения» никак не распространялся на саму большевистскую РСДРП, которая В. И. Лениным проецировалась как жестко централизованная организация всего российского пролетариата. Всякие попытки национального «дробления» партии ленинским руководством решительно отвергались. Этим и объяснялась острая критика большевиками позиции Бунда и ряда других социал-демократических партий, провозглашавших себя выразителями интересов прежде всего своего национального пролетариата и стремившихся занять более автономное по отношению к ленинской РСДРП положение. Сторонники этого направления в российской социал-демократии фактически придерживались концепции «национально-культурной автономии», разработанной представителями «австро-марксизма» О. Бауэром и К. Реннером. По данной теории наличие персональной автономии предполагало также и создание политической организации по национальному признаку. Для большевиков – сторонников единой централизованной партии такой подход был абсолютно неприемлем. Показательны в этом отношении строки молодого партийного пропагандиста И. В. Сталина из его работы «Национальный вопрос и социал-демократия» (1913 г.): «Мы знаем, к чему приводит межевание рабочих по национальностям.

Распадение единой рабочей партии, разбивка союзов по национальностям, обострение национальных трений, национальное штрейхбрехерство, полная деморализация в рядах социал-демократии, – таковы результаты организационного федерализма. История социал-демократии в Австрии и деятельность Бунда в России красноречиво свидетельствуют об этом. Единственное средство против этого – организация на началах интернациональности. Сплоче-

⁸² КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 8-е изд.: В 10 т. М., 1970–1972. Т. 1. С. 60.

⁸³ Там же. С. 63.

⁸⁴ Ленин В. И. Поли. собр. соч.: В 55 т. М., 1958–1970. Т. 25. С. 275.

⁸⁵ Ленин В. И. Поли. собр. соч. Т. 24. С. 131.

ние на местах рабочих всех национальностей России в единые и целостные коллективы, сплочение таких коллективов в единую партию – такова задача»⁸⁶.

Принцип партийного «централизма» в известной степени проецировался В. И. Лениным и на форму национально-территориальной организации будущего пролетарского государства, которое рассматривалось как единая демократическая республика: «Марксисты ни в коем случае не будут проповедовать ни федеративного принципа, ни децентрализации»⁸⁷. Это высказывание повторяло теоретическое положение классиков марксизма, также являвшихся сторонниками создания единого государства. Так, в 1891 г. Ф. Энгельс, рассматривая вопрос о форме будущего государства рабочих, отмечал: «Пролетариат может употреблять лишь форму единой и неделимой республики. Федеративная... уже становится помехой»⁸⁸. Таким образом, основоположники марксистского учения и их наиболее радикальные последователи в России – большевики выступали за создание унитарного государства, как необходимой формы политической и экономической организации общества в условиях совершившейся революции и возможного враждебного окружения⁸⁹. Как полагали идеологи коммунистического движения, после победы мировой революции разные типы союзных государств должны будут слиться в единую демократическую республику, а в перспективе – перейти от нее к безгосударственному общественному самоуправлению⁹⁰. В ходе этого процесса произойдет сближение наций, которые после естественного разрушения государственных перегородок, экономической и культурной ассимиляции сольются в единую наднациональную общность.

Декларируемое большевиками право наций на самоопределение было не только ярким лозунгом, способствующим привлечению многонациональных масс России к борьбе с самодержавием, но и могло в перспективе стать основой для будущего воссоединения народов в условиях социалистического государства. Главным препятствием этому, по мнению Ленина, являлся «великорусский национализм», как неотъемлемая компонента национальной политики и идеологии царского режима. В декабре 1913 г., в письме к одному из руководителей закавказских большевиков С. Г. Шаумяну Ленин подчеркивал: «Отделение вовсе не наш план. Отделение мы не проповедуем. В общем мы против отделения. Но мы стоим за право на отделение ввиду черносотенного великорусского национализма, который так испоганил дело национального сожительства, что иногда больше связи получается после свободного отделения!»⁹¹. Решение национального вопроса, – как указывал в том же письме лидер большевизма, – заключалось в создании национальных автономных образований в рамках созданного народного государства.

Отношение большевиков к русскому населению Российской империи носило двойственный характер, определявшийся не только подчеркнутым интернационализмом их идеологии,

⁸⁶ Сталин И. В. Соч.: В 13 т. М., 1946–1951. Т. 2. С. 364.

⁸⁷ Ленин В. И. Поли. собр. соч. Т. 24. С. 144.

⁸⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч.: В 50 т. М., 1955–1981. Т. 22. С. 238.

⁸⁹ Российский историк В. Т. Логинов в своем исследовании приводит эпизод, повествующий о встрече в Цюрихе в январе 1917 г. В. И. Ленина с бежавшими из германского плена солдатами царской армии: «Перед ним сидели двое солдат, прошедших фронт, побывавших в плену. Ленин внимательно, не перебивая, слушал их рассказы. Сначала о плене. О тех ужасах, которые творились в концлагерях. О той пропаганде, которую вели немцы. Тысячи военнопленных они сгруппировали по национальному признаку и всячески пытались разжечь антирусские, сепаратистские настроения. Для украинцев, например, пригласили галицийских лекторов из Львова. Но результат оказался ничтожным: из 27 тысяч украинцев, сидевших в лагере, лишь 2 тысячи высказались за «самостийность». Остальные, с величайшим удовлетворением отметил Ленин, «впадали в ярость при мысли об отделении от России... Факт знаменательный! Не верить нельзя... А вась, от «австрийского типа» развития судьба Россию избавит» (Логинов В. Т. Неизвестный Ленин. М., 2010. С. 38). Эти слова вождя большевистской партии, взятые из письма к Инессе Арманд (Ленин В. И. Поли. собр. соч. Т. 49. С. 377), ярко характеризовали государственно-унитаристские взгляды Ленина накануне Февраля.

⁹⁰ Ленин В. И. Поли. собр. соч.: В 55 т. М., 1958–1970. Т. 24. С. 144.

⁹¹ Ленин В. И. Поли. собр. соч. Т. 48. С. 235. См. также: Модели общественного переустройства России. XX век. М., 2004. С. 498–506.

но и тактикой революционной борьбы. Во многих теоретических документах и партийной публицистике «великороссы» обозначались как нация, «угнетающая» другие национальности самодержавной России, «окрещенной» большевиками, вслед за французским публицистом А. де Кюстином, «тюрьмой народов». В ленинских выступлениях встречается ничем не обоснованное даже с позиций «классового подхода» утверждение, что «великороссы» угнетают «большее число наций, чем какой-либо другой народ»⁹². Столь предвзятое отношение к самому многочисленному народу страны в известной степени провоцировалось «русификаторским» курсом правительства в национальных районах Империи, официальной пропагандой, крайним шовинизмом поддерживаемых властью «черносотенных» организаций. Хотя зачастую «великодержавная» политика властей проецировалась большевиками на все русское население. В. И. Ленин писал: «Возьмем позицию угнетающей нации. Может ли быть свободен народ, угнетающий другие народы? Нет. Интересы свободы великорусского населения требуют борьбы с таким угнетением. Долгая история, вековая история подавления движений угнетенных наций, систематическая пропаганда такого подавления со стороны «высших» классов создали громадные помехи делу свободы самого великорусского народа в его предрассудках»⁹³. Следует также отметить и традиционно негативное отношение левых социал-демократов к наиболее многочисленному социальному слою страны – русскому крестьянству, которое в большинстве своем рассматривалось как «мелкобуржуазное» и «реакционное» (что соответствовало классическому определению основоположников марксизма). Вместе с этим, в теоретических работах большевистских лидеров подчеркивалась роль русского рабочего класса как передового отряда всероссийского пролетариата, призванного «освободить все человечество от позора царской монархии»⁹⁴. Доля русских среди членов ленинской РСДРП, вступивших в партию до Февраля 1917 г., составляла 56,5 %, что также не могло не «корректировать» позиции ее руководства по «великорусскому вопросу»⁹⁵.

Все более активное массовое участие русского населения в революционной борьбе постепенно меняло отношение к нему со стороны интернационалистов-ленинцев. Так, в январе 1917 г. в докладе, посвященном годовщине событий первой русской революции, В. И. Ленин, в частности, отмечал: «Революция создала революционный народ, руководимый революционным пролетариатом». Благодаря ей «новый дух повеял во всей массе русского народа. Только теперь крепостная, пребывающая в медвежьей спячке, патриархальная благочестивая и покорная Россия совлекла с себя ветхого Адама, только теперь русский народ получил действительно демократическое, действительно революционное воспитание»⁹⁶. Однако «русский фактор» в представлении большевиков не имел самостоятельного значения и рассматривался как одна из составляющих общероссийского пролетарского движения. Любая попытка национальной «интерпретации» социализма воспринималась как покушение на основы марксистской теории и отступление на позиции буржуазного национализма. Как подчеркивал Ленин, «буржуазный национализм и пролетарский интернационализм – вот два непримиримо-враждебных лозунга»⁹⁷.

Поддерживаемый правящими кругами и декларируемый крайне правыми партиями («Союзом русского народа» и др.) русский национализм, по мнению большевистских руководителей, являлся одним из главных препятствий на пути к социальному освобождению многонациональных пролетарских масс России и реализации права наций на самоопреде-

⁹² Ленин В. И. Поли. собр. соч. Т. 31. С. 433.

⁹³ Ленин В. И. Поли. собр. соч. Т. 25. С. 275.

⁹⁴ Ленин В. И. Поли. собр. соч. Т. 26. С. 18.

⁹⁵ Поляков Ю. А., Киселёв И. Н. Численность и национальный состав населения в 1917 г. // Вопросы истории, 1980. № 6. С. 46.

⁹⁶ Ленин В. И. Поли. собр. соч. Т. 30. С. 313.

⁹⁷ Ленин В. И. Поли. собр. соч. Т. 24. С. 123.

ление. В резолюции по национальному вопросу, принятой на Поронинском совещании ЦК РСДРП в сентябре 1913 г., указывалось, что принципиального отстаивания права угнетенных наций на самоопределение требует «дело свободы самого великорусского населения, которое неспособно создать демократическое государство, если не будет вытравлен черносотенный великорусский национализм, поддерживаемый традицией кровавых расправ с национальными движениями и воспитываемый систематически не только царской монархией и всеми реакционными партиями, но и холопствующим перед монархией великорусским буржуазным либерализмом»⁹⁸.

Вопрос об отношении к «черносотенному» русскому национализму, как одной из важнейших идеологических составляющих самодержавной политики, был конкретизирован В. И. Лениным в том же 1913 г. в цикле теоретических статей по национальному вопросу. Так, в своей статье «Рабочий класс и национальный вопрос», обличая союз буржуазии с наиболее реакционными силами, объединившимися против революционных пролетарских масс, он отмечал: «Россия – пестрая в национальном отношении страна. Правительственная политика, политика помещиков, поддерживаемых буржуазией, проникнута вся насквозь черносотенным национализмом. Политика эта направлена своим острием против большинства народов России, составляющих большинство ее населения»⁹⁹. Теперь буржуазия боится рабочих, ищет союза с Пуришкевичами, с реакцией, предаёт демократизм, отстаивает угнетение или неравноправность наций, развращает рабочих националистическими лозунгами. Один только пролетариат отстаивает в наши дни истинную свободу наций и единство рабочих всех наций»¹⁰⁰. Как видно из вышеизложенного, именно «черносотенный великорусский национализм» властей и их буржуазных политических «попутчиков» продолжал, по мысли Ленина, оставаться едва ли не главным идеологическим врагом угнетаемого пролетариата и национальных меньшинств. В более поздней статье «О праве наций на самоопределение» (1916 г.) вождь большевизма в дискуссии с Р. Люксембург даёт ещё более резкую характеристику русскому национализму как выражению феодально-самодержавной идеологии: «Увлечённая борьбой с национализмом в Польше, Роза Люксембург забыла о национализме великорусов, хотя именно этот национализм и страшнее всего сейчас, именно он менее буржуазен, но более феодален, именно он главный тормоз демократии и пролетарской борьбы»¹⁰¹.

Стратегия революционной борьбы, направленная на разрушение Империи и ликвидацию ее политических институтов, требовала нанести главный удар по великодержавию и национализму, – главным, по мнению большевиков-ленинцев, идеологическим основам существующей власти, которым не должно быть места в будущем интернациональном пролетарском обществе. «Ни одной привилегии ни для одной нации, ни для одного языка!», – призывал своих соратников В. И. Ленин, – «Ни малейшего притеснения, ни малейшей несправедливости к национальному меньшинству! – вот принципы рабочей демократии»¹⁰². Только интернациональное сплочение рабочих, как полагали идеологи большевизма, могло бы стать прочным залогом победоносной революции и построения общества социальной справедливости.

Русская национальная культура также рассматривалась вождём большевизма с позиций ее «соответствия» задачам классовой борьбы. Для воспитания пролетариата годились лишь «демократические и социалистические элементы» этой культуры. «Черносотенная и клерикальная» культура являлась таким же идеологическим оружием в руках господствующих клас-

⁹⁸ КПСС в резолюциях. Т. 1. С. 388.

⁹⁹ Поданным переписи 1897 г. «великороссы» составляли 44,3 % населения Российской империи, т. е. численное меньшинство. Однако вместе с малороссами (17,8 %) и белорусами (4,7 %) общее количество «русского населения», в тогдашнем его понимании, составляло 66,8 % (Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897. СПб., 1905. Т. 2. С. 1–6).

¹⁰⁰ Ленин В. И. Поли. собр. соч. Т. 23. С. 149.

¹⁰¹ Ленин В. И. Поли. собр. соч. Т. 25. С. 275.

¹⁰² Там же. С. 150.

сов, как и национализм¹⁰³. Исходя из этого, В. И. Ленин в статье «Критические заметки по национальному вопросу» подчеркивал: «Может великорусский марксист принять лозунг национальной великорусской культуры? Нет. Такого человека надо поместить среди националистов, а не марксистов. Наше дело – бороться с господствующей, черносотенной и буржуазной национальной культурой великороссов, развивая исключительно в интернациональном духе и в теснейшем союзе с рабочими иных стран те зачатки, которые имеются и в нашей истории демократического и рабочего движения»¹⁰⁴. Соответственно, для эффективной революционной пропаганды, изобличающей пороки эксплуататорского строя, могли быть пригодны лишь произведения русских классиков «демократического направления» (В. Г. Белинского, Н. Г. Чернышевского, Н. А. Некрасова и др.), антиклерикальная публицистика Л. Н. Толстого, сочинения «пролетарских» писателей (Максима Горького, Демьяна Бедного и др.). Творчество и взгляды «архискверного» (по выражению В. И. Ленина) «реакционера» Ф. М. Достоевского¹⁰⁵ и большинства представителей дворянской и буржуазной культуры вряд ли могли быть полезны для решения этих задач¹⁰⁶. Такое нигилистическое отношение левых радикалов к «духовным основам» Российского государства – патриотической идее, религии, национальной культуре, – постоянно вызывало враждебную реакцию не только у официальных властей, но и у представителей «правого» политического лагеря.

С началом Первой мировой войны в августе 1914 г. большевистская РСДРП – единственная европейская социал-демократическая партия, заявившая о своей антивоенной позиции, фактически оказалась в политической изоляции. Социалисты западных стран, ведущие деятели II Интернационала, большинство представителей российских оппозиционных партий либо встали на путь шовинистической пропаганды, либо провозглашали идеи патриотического «оборончества». Признанный теоретик русского марксизма и один из меньшевистских лидеров Г. В. Плеханов выдвинул лозунг «защиты Отечества»¹⁰⁷. Русско-германская война была объявлена официальными российскими властями «Второй Отечественной».

В сложившихся условиях большевики были поставлены перед необходимостью более четкого обозначения своей антивоенной позиции и разоблачения «предательской» роли «социал-шовинистов» – представителей русской и зарубежной социал-демократии, выступивших на стороне воюющих правительств. В октябре 1914 г. в Женеве публикуется Манифест ЦК РСДРП «Война и российская социал-демократия», написанный В. И. Лениным. Отмечая империалистический и захватнический характер разворачивавшейся мировой бойни, В. И. Ленин подчеркивал: «Захват земель и покорение чужих наций, разорение конкурирующей нации, грабеж ее богатств, отвлечение внимания трудящихся масс от внутренних политических кризисов России, Германии, Англии и других стран, разъединение и националистиче-

¹⁰³ Ленин В. И. Поли. собр. соч. Т. 24. С. 120–121.

¹⁰⁴ Там же. С. 122.

¹⁰⁵ См.: Ленин В. И. Поли. собр. соч. Т. 48. С. 295.

¹⁰⁶ Примечательно, что в своей повседневной жизни В. И. Ленин имел традиционные вкусы: высоко ценил русскую классическую литературу, особенно творчество А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, И. С. Тургенева, Л. Н. Толстого, и даже был поклонником поэзии великого князя Константина Романова. «Новомодные» и леворадикальные течения в литературе и искусстве им не признавались. Однако для Ленина-политика интересы революционного дела всегда были выше собственных эстетических пристрастий. См.: Ленин о литературе и искусстве. М., 1976. С. 56; *Валентинов Н.* Недорисованный портрет. М., 1993. С. 50–52; *Горький М.* Поли. собр. соч.: В 25 т. М., 1968–1976. Т. 20. С. 41, 48–49.

¹⁰⁷ В своем выступлении на митинге в Народном доме в Лозанне (октябрь 1914 г.) Плеханов подчеркивал: «Социализм отнюдь не исключает любви к отечеству... Маркс говорит, что каждый народ имеет право на существование, на автономию, но ведь это право предполагает право защиты; когда на него нападают, он должен защищаться. Иначе будет не интернациональная политика, а вненациональная, то есть утопическая, а не международная. Конечно, каждый обязан бороться прежде всего с шовинизмом своей страны, но в случае объявления войны нужно решить, кто нападает и со всей силой обрушиться на него» – Цит. по: *Шуб Д.* Политические деятели России (1850–ых – 1920–ых гг.). Сб. статей. Нью-Йорк, 1969. С. 158–159. Свое новое понимание патриотической идеи Г. В. Плеханов более детально изложил в брошюре «О войне», выпущенной в Париже осенью 1914 г.

ское одурачение рабочих и истребление их авангарда в целях ослабления революционного движения пролетариата – таково единственное действительное содержание, значение и смысл современной войны. На социал-демократию прежде всего ложится долг раскрыть это истинное значение войны и беспощадно разоблачить ложь, софизмы и «патриотические» фразы, распространяемые господствующими классами, помещиками и буржуазией, в защиту войны»¹⁰⁸. Лениным был выдвинут лозунг превращения империалистической войны в гражданскую. Лидер большевиков считал, что для успешной борьбы рабочего класса и всех трудящихся масс России наименьшим злом было бы военное поражение царской монархии, что ускорило бы ниспровержение существующего строя.

Такая радикальная «антигосударственная» позиция большевиков вызвала возмущение в российских политических кругах, разделявших лозунг «война до победного конца». Официальная власть получила «козырь» для усиления репрессий в отношении большевистской РСДРП. Легальная деятельность партии была фактически запрещена, в июле 1914 г. закрыт ее главный печатный орган – газета «Правда», в ноябре того же года были арестованы и после суда сосланы в Сибирь депутаты-члены большевистской фракции в Государственной Думе. В российской и «союзнической» англо-французской печати была развёрнута кампания против большевиков, по обвинению их в «антипатриотизме» и «предательстве» интересов своего Отечества.

В связи с выдвинутыми обвинениями В. И. Ленину пришлось конкретизировать позицию партии по вопросу о патриотизме. В статье «О национальной гордости великороссов», опубликованной в декабре 1914 г., лидер большевиков, стремясь опровергнуть доводы политических противников, дает новую – «пролетарскую» трактовку патриотической идеи: «Чуждо ли нам, великорусским сознательным пролетариям, чувство национальной гордости? Конечно, нет! Мы любим свой язык и свою родину, мы больше всего работаем над тем, чтобы ее трудящиеся массы (т. е. 9/10 ее населения) поднять до сознательной жизни демократов и социалистов. Нам больнее всего видеть и чувствовать, каким насилиям, гнету и издевательствам подвергают нашу прекрасную родину царские палачи, дворяне и капиталисты. Мы гордимся тем, что эти насилия вызывали отпор из нашей среды, из среды великороссов, что *эта* среда выдвинула Радищева, декабристов, революционеров-разночинцев 70-х годов, что великорусский рабочий класс создал в 1905 году могучую революционную партию масс, что великорусский мужик начал в то же время становиться демократом, начал свержать попа и помещика... Мы полны чувства национальной гордости, ибо великорусская нация тоже создала революционный класс, тоже доказала, что она способна дать человечеству великие образцы борьбы за свободу и за социализм»¹⁰⁹.

Отличие от официальной патриотической доктрины, согласно которой единение самодержавной власти и её «подданных» являлось гарантией величия Империи, по ленинскому определению, реальными вершителями судеб России, её социального освобождения и дальнейшего развития являлись рабочий класс и беднейшее крестьянство. При этом В. И. Ленин особо подчеркивал «великую социалистическую роль великорусского пролетариата, как главного двигателя коммунистической революции»¹¹⁰. Так патриотическая идея в большевистской интерпретации обрела своё народное, «классовое» содержание. Роль русского трудового народа (прежде всего, пролетариата) в революционной борьбе многонациональных масс России провозглашалась в статье определяющей. Подлинный патриотизм великороссов, по мнению лидера большевиков, должен был основываться на революционных традициях народа.

¹⁰⁸ Ленин В. И. Поли. собр. соч. Т. 26. С. 15.

¹⁰⁹ Ленин В. И. Поли. собр. соч. Т. 26. С. 107. Курсив источника.

¹¹⁰ Там же. С. 110.

Примеры военных, научных и культурных достижений русских за всю их многовековую историю в данной работе не указывались.

Отвергая предъявленные большевистской партии обвинения в ее «антипатриотизме» и «пораженчестве», В. И. Ленин предложил свою трактовку понятия «защита Отечества», которая определялась тактическими задачами революционной борьбы великорусского пролетариата в условиях империалистической войны: «Мы говорим: нельзя в XX веке... «защищать отечество» иначе, как борясь всеми революционными средствами против монархии, помещиков и капиталистов *своего* отечества, т. е. *худших* врагов нашей родины, – нельзя великороссам «защищать отечество» иначе, как желая поражения во всякой войне царизму, как наименьшего зла для 9/10 населения Великороссии, ибо царизм не только угнетает эти 9/10 населения экономически и политически, но и деморализует, унижает, обесчещивает, prostituiрует его, приучая к угнетению чужих народов, приучая прикрывать свой позор лицемерными, якобы патристическими фразами»¹¹¹. Таким образом, только революционная борьба против существующей самодержавной власти, социально-экономических порядков и «грабительской войны» – отвечала, по мнению лидера большевистской партии, коренным потребностям прогрессивного развития России, национальным интересам русского народа и являлась выражением подлинного патриотизма трудящихся масс.

Разрабатывая в годы Первой мировой войны теорию империализма, В. И. Ленин пришел к выводу о неравномерности экономического и политического развития ведущих и развивающихся капиталистических стран в условиях наступившей эпохи империализма. Эта неравномерность, в свою очередь, предопределяла разновременность созревания политических предпосылок для победы социалистической революции. По мнению В. И. Ленина, это опровергало классическую формулу основоположников марксизма о невозможности победы революции в одной стране и о возможности его победы лишь путем одновременной революции в наиболее развитых капиталистических странах. В условиях мировой войны, еще более обострившей противоречия капиталистического общества, победа социализма возможна, по утверждению лидера большевистского крыла РСДРП, даже в одной стране – «слабом звене» в цепи империалистических держав. В августе 1915 г., в статье «О лозунге Соединенных Штатов Европы», опубликованной в номере женевского «Социал-демократа» В. И. Ленин отмечал: «Неравномерность экономического и политического развития есть безусловный закон капитализма. Отсюда следует, что возможна победа социализма первоначально в немногих или даже в одной, отдельно взятой, капиталистической стране»¹¹². Читавшим эту сенсационную, ломавшую устоявшиеся марксистские стереотипы статью, нетрудно было догадаться, что вождь большевистской партии имел в виду и Россию.

Это теоретическое положение, выдвинутое В. И. Лениным, вызвало негативную реакцию в социал-демократическом меньшевистском лагере. Лидера большевиков обвинили в отступлении от канонов марксизма. Сторонники Ленина – «левые циммервальдцы» Н. И. Бухарин, К. Б. Радек, Ю. Л. Пятаков также не поддержали теоретические новации. Не остался в стороне от развернувшейся полемики и давний политический оппонент Ленина Л. Д. Троцкий. В газете «Наше слово» он писал: «Рассматривать перспективы социальной революции в национальных рамках значило бы становиться жертвой той самой национальной ограниченности, которая составляет сущность социал-патриотизма... В социал-патриотизме... подвизается национально-революционный мессианизм, который считает именно свое национальное государство – по состоянию ли его индустрии или по его демократической форме и революционным завоеваниям – призванным ввести человечество в социализм или в «демократию»»¹¹³.

¹¹¹ Там же. С. 109. Курсив источника.

¹¹² Ленин В. И. Поли. собр. соч. Т. 26. С. 354.

¹¹³ Троцкий Л. Д. К истории русской революции. М., 1990. С. 142-143.

Однако, как показали последующие события, то, что называлось меньшевистскими лидерами «социал-патриотизмом» обретет в революционной России реальное политическое содержание.

Эволюция взглядов российской революционной интеллигенции 2-й половины XIX – начале XX вв. на патриотическую идею прошла путь от полного ее отрицания, как идеологической основы существующего строя и монархии до первых попыток «патриотического» обоснования социальной борьбы рабочего класса – силы, на которую опиралась партия большевиков. Абстрактный, оторванный от национальной почвы и основывающийся на ультра-интернационализме социализм не мог служить эффективным пропагандистским «пособием» в деле революционного воспитания великорусского пролетариата. Уже в годы Первой мировой войны большевики-интернационалисты столкнулись с необходимостью создания собственной патриотической идеологии. После Октября 1917 г. и возникновения первой Республики Советов понятие «патриотизм» получит качественно иное содержание в условиях нового социально-политического строя.

Глава 2. От идеи «мировой революции» к государственному патриотизму (октябрь 1917–1953 гг.)

§ 1. Идеи «красного патриотизма» в годы Гражданской войны (1918–1920 гг.)

Октябрьская революция 1917 г. и приход большевистской партии к власти ознаменовали собой не только коренной слом социально-экономических и политических институтов прежней капиталистической России, но и явились началом новой государственности. Ее политическое содержание, основанное на принципе «диктатуры пролетариата», главные законы ее организации и функционирования были разработаны В. И. Лениным еще в августе-сентябре 1917 г. В известном теоретическом труде «Государство и революция» он писал: «Пролетариату необходима государственная власть, централизованная организация силы, организация насилия и для подавления сопротивления эксплуататоров и для *руководства* громадной массой населения, крестьянством, мелкой буржуазией, полупролетариями в деле «налаживания» социалистического хозяйства»¹¹⁴. Образовавшаяся на руинах Российской империи Советская Российская республика нуждалась не только в создании своего государственного аппарата, армии, хозяйственных органов, но и в собственной патриотической идеологии. Решающим фактором, повлиявшим на её формирование, явились начавшаяся с весны 1918 г. полномасштабная Гражданская война и иностранная военная интервенция.

Белогвардейское движение, которое ставило своей целью ниспровержение большевиков и выступало под лозунгами «единой и неделимой» России и освобождения ее от «засилья Интернационала», не смогло стать действительно «всенародным» и патриотическим. Во многом это объяснялось преимущественно дворянским и буржуазным социальным составом движения, отсутствием единой социально-политической программы и абстрактными националистическими призывами белых, которые не могли привлечь на свою сторону большинство крестьян, заинтересованных, прежде всего, в решении земельного вопроса. Карательные меры против мирного населения на территориях, «освобожденных» от большевизма, также не могли служить свидетельством «народного» характера белого движения. Главнокомандующий Добровольческой армией А. И. Деникин в своих мемуарах с недоумением констатировал, что после «освобождения» его войсками огромных российских территорий, ожидаемой поддержки белых со стороны всех враждебных Советской власти элементов не произошло¹¹⁵. Характерны в этом отношении и свидетельства иностранцев, наблюдавших положение в «белом лагере». Так, английский корреспондент телеграфировал 11 февраля 1920 г. из Новороссийска: «Год тому назад союзные державы соединенно решили покончить с большевиками. Но союзники и Деникин, сменивший Корнилова, и все мы допустили одну ошибку. Мы забыли ознакомиться с настроениями русского народа. Мы ожидали взрыва добровольческого движения, но он не осуществился»¹¹⁶.

«Патриотическая» риторика белогвардейцев существенно дискредитировалась и фактом оказываемой им значительной финансовой и военной помощи со стороны Антанты. Эта

---

¹¹⁴ Ленин В. И. Поли. собр. соч.: В 55 т. М., 1958–1970. Т. 33. С. 26. Курсив источника.

¹¹⁵ Деникин А. И. Очерки русской смуты. Берлин. 1926. Т. 5. С. 118.

¹¹⁶ Известия Всеукраинского революционного комитета и Харьковского губревкома. 1920. № 47. 13 февраля.

помощь подтверждалась и официальными западными кругами. Так, факты поддержки армии Деникина британскими властями приведены одним из главных организаторов военной интервенции против Советской России У. Черчиллем в его работе «Мировой кризис» (вышла в период 1923–1931 гг.): «По совету генерального штаба, начиная с июля месяца 1919 г., Англия оказывала ему (Деникину) главную помощь, и не менее 250 тыс. ружей, 200 пушек, 30 танков и громадные запасы оружия и снарядов были посланы через Дарданеллы и Черное море в Новороссийск. Несколько сотен британских армейских офицеров и добровольцев в качестве советников, инструкторов, хранителей складов и даже несколько авиаторов помогали организации деникинских армий... Было бы ошибочно думать, что в течение всего этого года мы сражались на фронтах за дело враждебных большевикам русских. Напротив того, русские белогвардейцы сражались за наше дело»¹¹⁷. В 1919–1920 гг. расходы Великобритании на армию Деникина (Вооруженные Силы Юга России) составили около 100 млн. фунтов стерлингов¹¹⁸. Британское военное командование полностью обеспечивало потребности белых армий в артиллерии и стрелковом вооружении. При этом войска А. И. Деникина, Н. Н. Юденича и Е. К. Миллера было решено перевооружить исключительно английским оружием, а армию А. В. Колчака – винтовками из «русских заказов» периода Первой мировой войны. США, как одна из ведущих держав Антанты, также были заинтересованы во всемерной поддержке белогвардейцев. Американское правительство предоставило армии А. В. Колчака кредит в размере 262 млн. долларов и в счёт этой суммы на протяжении 1918–1919 гг. направили ему 450 тысяч винтовок, несколько тысяч пулеметов, сотни орудий, боеприпасы. Япония израсходовала на содержание белогвардейских формирований на Дальнем Востоке в 1918–1922 г. около 160 млн. иен¹¹⁹. После разгрома основных сил Колчака и Деникина организованная в 1920 г. в Крыму Русская армия П. Н. Врангеля сразу же была «взята на обеспечение» странами Антанты. Так, английское правительство ассигновало Врангелю 14,5 млн. фунтов стерлингов, французское правительство дало ему заём в сумме 150 млн. франков. Антанта предоставила армии Врангеля большое количество оружия, тяжелую артиллерию, танки, самолёты, передала ему почти все германское вооружение, оставшееся в Болгарии¹²⁰. Впрочем, среди лидеров белого движения появлялись военачальники, делавшие главную политическую и материальную «ставки» на немецкие оккупационные власти. Это, прежде всего, относилось к «освободительной» деятельности атамана Всевеликого войска Донского П. Н. Краснова. По справедливому замечанию историка А. В. Репникова, «успехи Дона в борьбе с Красной армией и устойчивость власти атамана в значительной мере были обусловлены его лояльностью и тесным сотрудничеством с командованием германских войск, занимавших часть территории области»¹²¹. В своем приказе «Всевеликому войску Донскому» от 17 мая 1918 г. Краснов потребовал, «чтобы все воздерживались от каких бы то ни было выходов по отношению к германским войскам и смотрели бы на них так же, как и на свои части». В письме к кайзеру Вильгельму (18 мая) с просьбой о поставках оружия атаман взамен предлагал установить «правильные торговые отношения» с Германией¹²². Впрочем, после капитуляции Германии в ноябре 1918 г. П. Н. Краснов обратился за поддержкой к Великобритании и Франции, «проявив склонность следовать политической конъюнктуре»¹²³.

¹¹⁷ Черчилль У. Мировой кризис. М.-Л...1932. С. 166, 173; История Отечества в документах. 1917–1993 гг. М., 1994. Ч. 1. С. 148.

¹¹⁸ Соколов Т. Интервенты на Кубани. Краснодар, 1957. С. 12.

¹¹⁹ Гражданская война и военная интервенция в СССР: Энциклопедия. М., 1987. С. 230.

¹²⁰ Там же. С. 235.

¹²¹ Репников А. В. П. Н. Краснов // Общественная мысль Русского зарубежья: Энциклопедия. М., 2009. С. 360.

¹²² См.: Петров В. И. Непокорившиеся кайзеровскому нашествию. М., 1988. С. 95.

¹²³ Репников А. В. П. Н. Краснов. С. 36.

Лидеры кадетов, правых эсеров, российского финансового капитала также охотно шли на контакты с представителями западных держав и рассматривали иностранную интервенцию как действенную меру в борьбе с большевизмом. На Ясском совещании лидеров российских буржуазных партий и представителей держав Антанты, проходившем в ноябре 1918 г., был разработан план совместных действий против большевизма. Члены «русской делегации» на совещании (октябристы В. В. Меллер-Закомельский и А. В. Кривошеин, кадеты П. Н. Милюков и М. М. Фёдоров, монархист В. И. Гурко, банкир В. П. Рябушинский и др.) выступили с призывом к странам Антанты «о немедленном приходе союзных вооружённых сил» на Юг России (в Одессу и Николаев) для поддержки белого движения в его борьбе с Советской властью¹²⁴. О своей деятельности в пользу западных держав и о контактах с представителями английской, французской, польской разведок в годы Гражданской войны дал подробные показания Военной коллегии Верховного Суда СССР в августе 1924 г. один из лидеров правых эсеров Б. В. Савинков. Признавая антинациональный характер своей борьбы с большевизмом – «властью, признанной русским народом», Савинков указывал на неизбежную зависимость антисоветских сил от иностранной помощи: «Я поступал так, как поступали все белые, опиравшиеся на иностранцев. А без опоры на иностранцев мы воевать не могли»¹²⁵. Еще более конкретное выражение это признание Савинкова получило в его знаменитом письме «Почему я признал Советскую власть», написанном после процесса: «Есть еще одно обстоятельство... Я говорю о связи с иностранными государствами. Кто борется – тот в зависимости от иностранцев: от англичан, французов, японцев, поляков... Кто борется, тот в железных тисках – в тисках финансовых, военных, даже шпионских. Иными словами, на границе измены. Ведь никто не верит в бескорыстие иностранцев. Ведь каждый знает, что Россия снится им как замаскированная колония, самостоятельное государство, конечно, но работающее не для себя, а для них»¹²⁶. Разоблачая коллаборационизм представителей крупной буржуазии, которая пошла на союз с Антантой в борьбе против большевизма, В. И. Ленин отмечал, что российская буржуазия «готова была на все, чтобы удушить Советскую власть самыми подлыми способами – предать Россию кому угодно, только чтобы уничтожить власть Советов...»¹²⁷.

Западные государства приняли самое активное участие в гражданской войне в России. К весне 1919 г. на территории бывшей Российской империи действовали войска 14 иностранных государств общей численностью более 300 тыс. человек¹²⁸. Разумеется, политическое и военное вмешательство «союзников» России в ее внутренний гражданский конфликт было продиктовано отнюдь не «миротворческими» намерениями. Кроме опасности распространения «коммунистической угрозы» на страны Европы и всего мира западные финансовые и политические круги беспокоила возможность восстановления сильного Российского государства с антикапиталистической идеологией. Наступившая после распада Российской империи «смута» создала благоприятные условия для передачи ее территорий под контроль иностранных держав и международного финансового капитала. В конце ноября 1917 г. на межсоюзной конференции в Париже правительства стран Антанты договорились о борьбе против победившей большевистской революции в России. 23 декабря 1917 г. между представителями Англии и Франции в Париже было заключено соглашение о всесторонней помощи белогвардейским формированиям, а также о разделе «сфер влияния» на территории бывшей Российской империи. По этому соглашению предполагалось отторгнуть от России Прибалтику, Украину, Кавказ, Дон, Крым, Среднюю Азию, Бессарабию и другие территории. Зоной английских интересов были признаны

¹²⁴ Гражданская война и военная интервенция. С. 699.

¹²⁵ Борис Савинков на Лубянке. Документы. М., 2001. С. 553.

¹²⁶ Савинков Б. В. Воспоминания. М., 1990. С. 398.

¹²⁷ Ленин В. И. Поли. собр. соч. Т. 37. С. 216.

¹²⁸ Барсенков А. С., Вдовин А. И. История России. 1917–2007. М., 2008. С. 84.

Кавказ, Дон и Кубань. В свою очередь, Украина, Бессарабия, Крым объявлялись французской зоной влияния. Была также достигнута договоренность о том, что Дальний Восток и Сибирь становятся преимущественно сферами влияния США и Японии¹²⁹.

Примечательно, что западные политические круги декларировали свою военную и финансовую поддержку белогвардейцев и собственную интервенцию как «помощь русским национальным силам»¹³⁰. В утвержденном 17 февраля 1919 г. Главным командованием армиями Антанты «Плане действий» по расширению военной интервенции провозглашалось, что «реставрация режима порядка в России является делом сугубо национальным, которое должен осуществить сам русский народ»¹³¹. Для успешного осуществления этого «национального дела» предлагались меры по «оккупации Украины» войсками союзных держав, «блокада побережья Балтийского моря британским флотом», «действия Франции в Сибири» и ее участие в «организации польской армии». Все эти действия должны были служить главной цели, которая также обозначалась в документе: «Для держав Антанты встает жизненная необходимость свергнуть его (Советское правительство – А. К.) как можно скорее, и возникает долг солидарности осуществить с этой целью совместные усилия»¹³².

«Русские национальные силы» в лице лидеров белого движения щедро расплатились со своими союзниками и кредиторами за оказанную помощь. Так, за период своего пребывания на русском Севере иностранные оккупанты, с согласия белогвардейцев, вывезли леса, льна, марганцевой руды на сумму более 3,5 млн. фунтов стерлингов. Во время пребывания в Крыму армии Врангеля интервенты вывезли с 1 февраля по 1 сентября 1920 г. около 3 млн. пудов зерна, 830 тыс. пудов соли, 120 тыс. пудов льна, 120 тыс. пудов табака, 63 тыс. пудов шерсти и другое сырье. Белогвардейцами фактически за бесценок был продан США, Великобритании и Франции русский Черноморский торговый флот¹³³. На Дальнем Востоке только за первые три месяца 1919 г. американо-японские интервенты вывезли более 3 млн. шкурок ценной пушнины, за весь год – 14 млн. пудов сельди, вывозилось большое количество леса¹³⁴. В целях экономического закабаления русских дальневосточных территорий оккупанты создали при содействии белогвардейских властей во Владивостоке отделения банков США – национального Нью-Йоркского Сити-банка, Меркантиль Оверси и К°, Чайна-Джапан трейдинг банка, а также отделения японских банков – Спеш-и и Чосен-банка. Американские и японские монополии (Морган, Рокфеллер, Дюпон, Мицуи и Мицубиси) получали огромные прибыли от эксплуатации природных богатств Дальнего Востока. Япония получила от правительства Колчака право на продление рыболовной конвенции 1907 года, что дало возможность японским предпринимателям захватить в свои руки почти все русские рыболовные участки на дальневосточном побережье¹³⁵. За время белогвардейской диктатуры братьев Меркуловых в Приморье (1921–1922 гг.) японские интервенты расхитили достояние региона на сотни млн. рублей золотом¹³⁶. Расширялась и религиозная американская экспансия при полном невмешательстве «русских патриотических властей». В 1918–1920 гг. на Дальний Восток засылались сотни американских проповедников. Ими были созданы отделения «Христианского союза молодых людей», субсидировались различные сектантские общины¹³⁷. Конкурирующие с американцами японские и французские власти также рассматривали российский Дальний Восток зоной своих геополитических интересов.

¹²⁹ Гражданская война и военная интервенция в СССР. С. 233.

¹³⁰ Из истории гражданской войны в СССР. М., 1961. Т. 2. С. 7.

¹³¹ Там же.

¹³² Там же. С. 8.

¹³³ Гражданская война и военная интервенция в СССР. С. 232, 235.

¹³⁴ Там же. С. 230.

¹³⁵ Героические годы борьбы и побед (Дальний Восток в огне гражданской войны). М., 1968. С. 90–91.

¹³⁶ Гражданская война и военная интервенция в СССР. С. 231.

¹³⁷ Героические годы борьбы и побед. С. 91.

тических и экономических интересов. Главную ставку в реализации своих планов они делали на белогвардейцев. В 1921 г. представителями Дальневосточной республики (ДВР) были переданы огласке документы, изобличавшие агрессивные планы японских политических кругов в этом регионе. В частности, был опубликован секретный договор между Японией и Францией, по которому последняя соглашалась на оккупацию японцами Дальнего Востока и Сибири. Для этих целей французской стороной предлагалась переброска из Европы на Дальний Восток в распоряжение японского командования и его ставленника атамана Г. М. Семенова частей врангелевских войск. В документе отмечалось, что «французское правительство готово поддержать тот проект, чтобы японское правительство получило в Сибири свободу действий и чтобы бывшая армия Врангеля под руководством Семенова или других русских офицеров освободила занятые большевиками сибирские территории. После этого освобождения японское правительство может повести дело таким образом, что освобожденные области, находясь под японским протекторатом, но с русским управлением, подпадут совершенно под японское влияние». Был также опубликован секретный договор между Японией и атаманом Семеновым, по которому японская сторона брала на себя обязательства по снабжению его войск и белогвардейских формирований Р. Ф. Унгерна фон Штернберга оружием и деньгами. Разумеется, все это основывалось на соглашениях «белых вождей» пойти на возможные территориальные уступки «союзникам» в случае победы и даже признать иностранный протекторат¹³⁸. Эти и другие подобные факты никак не соответствовали «патриотическим» лозунгам «восстановления великой России», которые выдвигали лидеры и идеологи белого движения.

Развернувшееся широкое партизанское движение на территориях, оккупированных иностранными войсками, также свидетельствовало о нежелании народных масс признавать в лице зарубежных «освободителей от большевистского ига» новоявленных «спасителей» России. Неприкрытый грабёж национальных богатств страны и беспощадный террор оккупантов против мирного населения едва ли могли служить надежной основой для укрепления подобного пропагандистского образа. Характерное свидетельство содержится в мемуарах Члена Союзнической Судебной Комиссии, капитана А. Мандриллы. Утверждая, что победа большевиков объяснялась, прежде всего, народным стремлением к национальной независимости, он жестко критиковал союзников: «Их поведение помешало им преодолеть недоверие аморфных масс, для которых большевистская пропаганда нашла легкую наживку – разжигание ненависти к иностранцам, которые вмешиваются во внутренние дела России, прикрывшись маской фальшивого сентиментализма»¹³⁹.

Уже после разгрома основных сил белых армий Колчака и Деникина и иностранных интервентов И. В. Сталин в своей статье «К военному положению на Юге» (январь 1920 г.) указывал, что прямым следствием победы белогвардейцев явилась бы потеря национальной независимости России: «Деникин и Колчак несут с собой не только ярмо помещика и капиталиста, но и ярмо англо-французского капитала. Победа Деникина-Колчака есть потеря самостоятельности России, превращение России в дойную корову англо-французских денежных мешков. В этом смысле Советское правительство есть единственно народное и единственно национальное в лучшем смысле этого слова правительство, ибо оно несет с собой не только освобождение трудящихся от капитала, но и освобождение всей России от ига мирового империализма, превращение России их колонии в самостоятельную свободную страну»¹⁴⁰.

Таким образом, большевизм, победивший в Петрограде, Москве и ряде центральных губерний страны, находясь во враждебном кольце интервентов и контрреволюции, объективно

¹³⁸ Героические годы борьбы и побед. С. 324; Международные отношения на Дальнем Востоке. М., 1951. С. 352.

¹³⁹ Цит. по: *Росси М.* Деятельность итальянского экспедиционного корпуса на территории России (1918–1919 гг.) // Версальско-Вашингтонская система: возникновение, развитие, кризис, 1919–1939 гг. Сб. статей. М., 2011. С. 151.

¹⁴⁰ *Сталин И. В.* Соч.: В 13 т. М., 1946–1951. Т. 4. С. 284–285.

становился единственной политической силой, способной отстоять государственный суверенитет России. Пролетариат первой Республики Советов обрел свое Отечество, которое нуждалось в защите. Мобилизация трудящихся масс для обороны республики требовала создания новой армии и «реабилитации» идеи патриотизма, идеи Отечества.

Призыв к защите социалистического Отечества впервые прозвучал в феврале 1918 г., еще за несколько месяцев до начала широкомасштабной военной интервенции. 22 февраля 1918 г. публикуется написанный В. И. Лениным декрет-воззвание Совета Народных Комиссаров (СНК) «Социалистическое Отечество в опасности!». Он появился в критический момент истории молодой республики, когда Германия, воспользовавшись срывом мирных переговоров в Брест-Литовске, развернула наступление на Советскую Россию. Декрет гласил: «Социалистическая республика Советов находится в величайшей опасности. До того момента, как поднимется и победит пролетариат Германии, священным долгом рабочих и крестьян России является беззаветная защита республики Советов против полчищ буржуазно-империалистической Германии»¹⁴¹. После обозначения конкретных мер, необходимых для обороны республики, декрет-воззвание заканчивался словами: «Да здравствует социалистическое отечество!», «Да здравствует международная социалистическая революция!»¹⁴². Характерно, что наряду с призывом к защите Отечества стратегическая установка большевиков на мировую интернациональную революцию оставалась главенствующей. Основные надежды большевистское руководство возлагало на возможность победы революции в Германии, как родины европейской социал-демократии, и испытанного в классовых боях пролетариата. Россия, – *государство победившего* пролетариата, – рассматривалась как временный революционный плацдарм, отвоеванный у мировой буржуазии, который необходимо было отстоять. По свидетельству Л. Д. Троцкого, проект воззвания обсуждался при участии левых эсеров. В ответ на их замечание о неправомерности использования лозунга «Защиты Отечества», противоречившего задачам распространения мировой революции на страны Европы, В. И. Ленин указал на его политическую своевременность. По мнению главы советского правительства, такой лозунг «сразу показывает перемену нашего отношения к защите отечества на 180 градусов. Так именно и надо!»¹⁴³.

3 марта 1918 г. между Советской Россией и странами Четвертного союза был подписан мирный договор. От России в пользу Германии и ее союзников отторгались Украина, Польша, Литва, Латвия, западная часть Белоруссии, территории в Закавказье. Всего Советская Россия теряла около 1 млн. кв. км территории, входившей ранее в состав Российской империи. По статьям договора советская сторона демобилизовала армию и флот, а также только что созданные части Красной Армии. Советское государство обязывалось уплатить Германии контрибуцию в 90 тонн золота¹⁴⁴. Крайне тяжелые и унижительные для России условия «мира» явились поводом для обвинений большевиков в предательстве национальных интересов страны и «сговоре» с германской стороной. Сложившееся положение требовало разъяснений позиции партии в отношении Брестского мира. В день переезда советского правительства в Москву (11 марта 1918 г.) В. И. Ленин пишет статью «Главная задача наших дней», носившую программный характер. В качестве эпиграфа были взяты слова поэта Н. А. Некрасова: «Ты и убогая, ты

¹⁴¹ Ленин В. И. Поли. собр. соч. Т. 35. С. 357. В опубликованном вслед за ленинским декретом воззвании ВЦИК «Братья-крестьяне!» говорилось уже и о защите «социалистической Родины». Центральный советский орган обратился к находящимся на оккупированной немцами территории российским крестьянам с призывом: «Все, как один, на защиту революции, в ряды партизанских повстанческих отрядов. Пусть чувствует немецкий насильник, что он вошел в революционную страну, пусть знает, что ему не удастся утвердить своего владычества ни в одном городе, ни в одной деревне, ни в одном уголке нашей Красной социалистической Родины». – Цит. по: Фрайман А. Л. Революционная защита Петрограда в феврале-марте 1918 г. М.; Л., 1964. С. 217.

¹⁴² Там же. С. 358.

¹⁴³ Троцкий Л. Д. К истории русской революции. С. 215.

¹⁴⁴ Гражданская война и иностранная интервенция в СССР. С. 74.

и обильная, / Ты и могучая, ты и бессильная / – Матушка-Русь!». Говоря о тяжелых последствиях Брестского мира (который, по исторической аналогии назван Тильзитским – между Наполеоном и Александром I в 1807 г.), В. И. Ленин указывал: «Мы принуждены были подписать «Тильзитский» мир... Надо измерить целиком, до дна, всю ту пропасть поражения, расчленения, порабощения, унижения, в которую нас теперь толкнули. Чем яснее мы поймем это, тем более твердой, закаленной, стальной делается наша воля к освобождению, наше стремление подняться снова от порабощения к самостоятельности, наша непреклонная решимость добиться во что бы то ни стало того, чтобы Русь перестала быть убогой и бессильной, чтобы она стала в полном смысле слова могучей и обильной... У нас есть материал и в природных богатствах, и в запасе человеческих сил, и в прекрасном размахе, который дала народному творчеству великая революция, – чтобы создать действительно могучую и обильную Русь. Русь станет таковой, если отбросит прочь всякое уныние и всякую фразу, если, стиснув зубы, соберет все свои силы, если напряжет каждый нерв, натянет каждый мускул, если поймет, что спасение возможно *только* на том пути международной социалистической революции, на который мы вступили»¹⁴⁵. В той же статье со всей определенностью был заявлен тезис о наличии у победившего русского пролетариата своего, отвоеванного у международного капитала революционного Отечества и необходимости его защиты в условиях обостряющегося классового противостояния и реальной угрозы иностранной агрессии. Война трудящихся за независимость своей социалистической республики рассматривалась уже как «отечественная»: «Мы оборонцы с 25 октября 1917 г. Мы за «защиту отечества», но та отечественная война, к которой мы идем, является войной за социалистическое отечество, за социализм, как отечество, за Советскую республику, как *отряд* всемирной армии социализма»¹⁴⁶. Спустя три дня, в своем выступлении на IV Чрезвычайном Всероссийском съезде Советов (14 марта 1918 г.) глава советского правительства еще более определенно обозначил отношение большевизма к вопросу об «отечестве»: «С 25 октября мы сказали открыто, что мы за защиту отечества, ибо у нас есть это отечество»¹⁴⁷. Таким образом, классическая марксистская формулировка в сложившихся условиях признавалась политически неактуальной.

Высадка войск стран Антанты на Севере и Дальнем Востоке России весной 1918 г. стала началом широкомасштабной интервенции против молодой Советской республики. Это событие, а также нарастающее гражданское противостояние привели советское руководство к необходимости провозглашения революционной войны как войны Отечественной. В связи со сложившимся положением был переориентирован и партийно-пропагандистский аппарат. В марте 1918 г., в резолюции VII съезда РКП(б) отмечалось: «Исторически неизбежны в настоящий период начавшейся эры социалистической революции многократные военные наступления империалистических государств (как с Запада, так и с Востока) против Советской России... Первейшей и основной задачей и нашей партии, и всего авангарда сознательного пролетариата, и Советской власти съезд признает принятие самых энергичных, беспощадно решительных и драконовских мер для повышения самодисциплины и дисциплины рабочих и крестьян России, для разъяснения неизбежности исторического приближения России к освободительной, отечественной, социалистической войне»¹⁴⁸.

Призыв к защите нового социалистического Отечества звучал не только в документах большевистской партии, но и в решениях местных советских органов. Так, в постановлении V съезда Советов Дальнего Востока (Хабаровск, 25–28 августа 1918 г.), проходившего в условиях начавшегося наступления объединенных войск американо-японских интервентов и бело-

¹⁴⁵ Ленин В. И. Поли. собр. соч. Т. 36. С. 79–80. Курсив источника.

¹⁴⁶ Там же. С. 82 (курсив в тексте).

¹⁴⁷ Там же. С. 110.

¹⁴⁸ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 8-е изд. М., 1970–1972. Т. 2. С. 26.

гвардейцев, подчеркивалось: «Мы будем бороться всеми силами, имеющимися в нашем распоряжении. *Ни одной пяди своей социалистической родины не уступим без боя.* Если же под напором огромных вражеских сил мы должны будем отойти от теперь занятых нами позиций, то сделаем это лишь в последнюю минуту с проклятием в устах и для того, чтобы, собравшись со свежими силами, вновь ринуться на обнаглевших врагов»¹⁴⁹.

Признание социальной борьбы русских трудовых масс как борьбы национально-освободительной, против агрессии западных буржуазных правительств и связанного с ними отечественного капитала – со всей определенностью было обозначено в заявлении наркоминдела Г. В. Чичерина, опубликованного на страницах газеты «Известия» в сентябре 1918 г. В «Ответной ноте Народного комиссара по иностранным делам», предъявленной представителям нейтральных держав, Чичерин подчеркивал: «Подавляющее большинство русского народа в лице Второго съезда рабочих, крестьянских, солдатских и казачьих депутатов отдало власть в руки Рабоче-Крестьянского Правительства. Кучка капиталистов, желавших получить обратно в свои руки фабрики и банки, отнятые у них в пользу всего народа, кучка генералов, желающих снова палкой учить подчинению рабочих и крестьян, не признали этого решения русского народа. Они при помощи денег иностранного капитала мобилизуют контрреволюционные банды, при помощи которых обрезают Россию от хлеба, дабы костлявая рука голода задушила русскую революцию... Они предали Россию на юге, севере и востоке чужестранным империалистическим государствам, призывая чужие штыки отовсюду, откуда только их могут получить... Эту контрреволюционную клику, пользующуюся поддержкой иностранного капитала и русской буржуазии, желающей набросить на шею русского народа петлю рабства и войны, русский трудовой народ беспощадно подавит»¹⁵⁰. Задачи обороны республики от внешней агрессии и внутренней контрреволюции приобрели для советского руководства первостепенное значение. 29 июля 1918 г. объединенное заседание ВЦИК, Моссовета и представителей рабочих организаций объявило социалистическое Отечество в опасности и призвало трудящихся к его защите. Позднее, в начале сентября 1918 г. – в период, когда положение на фронтах стало наиболее критическим, – ВЦИК объявил Советскую республику единым военным лагерем. Постановление ВЦИК от 2 сентября гласило: «Все силы и средства Социалистической республики ставятся в распоряжение священного дела вооруженной борьбы против насильников»¹⁵¹. Обращает внимание использование здесь нехарактерной для коммунистов терминологии – борьба против классовых врагов впервые объявлялась «священной». Были приняты меры по организации централизованного руководства фронтами и военными учреждениями, 6 сентября 1918 г. был создан Революционный военный совет республики (РВСР) – орган, призванный осуществлять в условиях войны непосредственное руководство армией и флотом. Его председателем был назначен Л. Д. Троцкий. Постановлением ВЦИК от 30 ноября 1918 г. образовывается чрезвычайный орган Советского государства – Совет рабочей и крестьянской обороны. Его возглавил В. И. Ленин, в первоначальный состав Совета были включены И. В. Сталин, Л. Д. Троцкий, Л. Б. Красин и другие партийные и советские руководители. На протяжении 1918 г. шёл процесс формирования Рабоче-Крестьянской Красной Армии, организации ее военных и политических структур.

Придерживаясь принципиальной установки на неизбежность скорой европейской революции, которая произойдёт лишь в случае удержания коммунистами власти в России, В. И. Ленин и большевики рассматривали вопрос о защите Отечества также в общем контексте решения задач мировой революции. В своем докладе на объединённом заседании ВЦИК и Моссовета 14 мая 1918 г. глава советского правительства подчеркивал: «Мы оборонцы после

¹⁴⁹ Героические годы борьбы и побед. С. 80. Курсив источника.

¹⁵⁰ Известия ВЦИК. 1918. 13 сентября.

¹⁵¹ Правда. 1918. 4 сентября.

25 октября 1917 года, мы завоевали право на то, чтобы защищать отечество... Мы защищаем отечество от империалистов... Мы защищаем не великодержавность: от России ничего не осталось, кроме Великороссии, – не национальные интересы, мы утверждаем, что интересы социализма, интересы мирового социализма выше интересов национальных, выше интересов государства. Мы оборонцы социалистического отечества... Это маленький островок среди окружающей империалистический мир войны, но на этом островке мы показали и доказали все, что может сделать рабочий класс»¹⁵². Классовое отношение к идее патриотизма проявлялась и в более поздних высказываниях В. И. Ленина. Патриотизм в своем дореволюционном «исконном» значении рассматривался как идеология буржуазии, идеология, мешающая сплочению интернациональных масс, замыкающая себя в национально-государственных границах. В ноябре 1918 г. Ленин констатировал: «Наша революция боролась с патриотизмом. Нам пришлось в эпоху Брестского мира идти против патриотизма (имеется в виду признание большевиками тяжелых и унижительных для России условий Брестского мира с Германией – А. К.). Мы говорили: если ты социалист, такты должен все свои патриотические чувства принести в жертву во имя международной революции»¹⁵³. Вместе с этим новая политическая обстановка, военное положение, в котором с весны 1918 г. оказалась Советская республика, объективно способствовали утверждению патриотической идеи как важного элемента пропаганды революционного оборончества.

Первые значительные победы Красной Армии над войсками белогвардейцев и чехословаков в Поволжье осенью 1918 г. укрепили позиции большевиков и способствовали переходу на их сторону значительной части среднего крестьянства. В ноябре 1918 г. В. И. Ленин отмечал: «Неизбежно наступил поворот в положении мелкобуржуазной демократии... Это поворот не случайный, не личный. Он касается миллионов и миллионов людей, которые поставлены в России в положение среднего крестьянства... Поворот касается всей мелкобуржуазной демократии. Она шла против нас с озлоблением, доходящим до бешенства, потому что мы должны были ломать все ее патриотические чувства. А история сделала так, что патриотизм теперь поворачивает в нашу сторону. Ведь ясно, что нельзя свергнуть большевиков иначе как иностранными штыками»¹⁵⁴.

В те же ноябрьские дни происходят революции в Германии и Австро-Венгрии. Эти события явились для большевиков не только подтверждением правоты их стратегии в отношении Брестского мира, но и укрепили уверенность в начале общеевропейской революции, в которой Советской России предстоит сыграть ведущую роль. 13 ноября 1918 г. ВЦИК аннулирует Брестский договор. Выступления В. И. Ленина того времени проникнуты идеями революционно-патриотического мессианства. Так, в своей речи на III съезде рабочей кооперации 9 декабря 1918 г. он подчеркивал: «Раньше западные народы рассматривали нас и все наше революционное движение, как курьез. Они говорили: пускай себе побалуется народ, а мы посмотрим, что из всего этого выйдет... Чудной русский народ!.. И вот этот «чудной русский народ» показал всему миру, что значит его «баловство»». В настоящий момент, когда подошло начало немецкой революции, один из иностранных консулов говорил Зиновьеву: «Да еще не известно, кто больше использовал Брестский мир, вы или мы». Это говорил он потому, что все говорят то же самое. Все увидели, что это только начало всемирной великой революции. И это начало великой революции положили мы, отсталый русский «чудной» народ... Нужно сказать, что история идет странными путями: на долю страны отсталой выпала честь идти во главе великого мирового движения. Это движение видит и понимает буржуазия всего мира»¹⁵⁵.

¹⁵² Ленин В. И. Поли. собр. соч. Т. 36. С. 341–342.

¹⁵³ Ленин В. И. Поли. собр. соч. Т. 37. С. 213.

¹⁵⁴ Там же. С. 215–216.

¹⁵⁵ Ленин В. И. Поли. собр. соч. Т. 37. С. 347–348.

Показательно, что выдвинутый В. И. Лениным тезис о ведущей роли русского народа в деле социального освобождения человечества нашел отклик и у представителей интеллигенции, ранее оппозиционно настроенной к новой власти. Недавний идейный оппонент большевизма А. М. Горький в своем выступлении на I конгрессе Коммунистического Интернационала в марте 1919 г. отмечал: «Сегодня началась великая работа освобождения людей из крепкой, железной паутины прошлого... Случилось так, что впереди народов идут на решительный бой русские люди... Сегодня они идут к победе или на смерть пламенно и мужественно, как старые, привычные бойцы... То, что творится сейчас на Руси, должно быть понято, как гигантская попытка претворить в жизнь, в дело великие идеи и слова, сказанные учителями человечества, мудрецами Европы... И если честные русские революционеры, окруженные врагами, измученные голодом, будут побеждены, то последствия этого страшного несчастья тяжело лягут на плечи всех революционеров Европы, всего ее рабочего класса... Русский рабочий верит, что его братья в Европе не дадут задушить Россию»¹⁵⁶.

Несмотря на следование марксистской установке на «мировую революцию» и учреждение для этих целей Коммунистического Интернационала, расчеты большевистских руководителей на скорую поддержку Советской России европейским (прежде всего, германским) пролетариатом не оправдались. Революции 1919 года в Баварии и Венгрии были подавлены интервентами и внутренней контрреволюцией. «Нас блокирует Европа, мы лишены ожидавшейся помощи европейского пролетариата, на нас со всех сторон... лезет контрреволюция», – констатировал В. И. Ленин¹⁵⁷. Однако, надежды на возможную поддержку Советской России со стороны пролетариата Европы (а с начала 1920-х гг. – и трудящихся Азии, прежде всего Китая) оставались у части большевистского руководства вплоть до начала 1930-х гг.

Продолжавшаяся Гражданская война, усиление иностранной интервенции, блокада центральных районов России, реальная угроза гибели Советского государства и коммунистической власти – все эти факторы объективно подвели большевистское руководство к более широкому использованию идей русского патриотизма в пропаганде революционного оборончества. В причудливом сочетании с идеями интернационализма и всемирной пролетарской революции русский патриотизм, в большевистской интерпретации (позднее названной философом Н. В. Устряловым «национал-большевизмом»), становился одним из элементов ранне-советской идеологии. Задача защиты революционного Отечества и «освободительная миссия» русского пролетариата по отношению к угнетенным другим стран и народов требовали воспитания у красноармейцев качеств интернационалиста и патриота. Этому способствовал ряд факторов. К концу гражданской войны в пятимиллионной РККА русские составляли абсолютное численное большинство – 77,6 %, украинцы – 13,7 %, белорусы – 4 %, татары, башкиры, латыши и другие национальности – 4,7 % (кроме того, в частях Красной Армии в разное время служили около 200 тыс. зарубежных интернационалистов)¹⁵⁸. Другим немаловажным фактором являлась деятельность белогвардейских диверсионно-пропагандистских органов (прежде всего, колчаковского РОПД и деникинского ОСВАГ)¹⁵⁹, направленная на дискредитацию большевизма как «антинационального» движения, на идеологический подрыв Красной Армии и советского тыла. Широко практиковалась публикация и переброска в части РККА материалов об «антипатриотической» политике коммунистов (в частности, о «германо-большевистском заговоре» – фрагменты из так называемых «документов Сиссона»), фальшивых номеров пар-

¹⁵⁶ Цит. по: Бушин И. А. Окаянные дни. М., 1990. С. 111.

¹⁵⁷ См.: Горький А. М. Поли. собр. соч. Т. 19. С. 36.

¹⁵⁸ Самойленко В. Ф. Народ и армия едины. М., 1974. С. 10; Гражданская война и военная интервенция в СССР. С. 236.

¹⁵⁹ РОПД – Русское общество печатного дела (май–декабрь 1919 г.); ОСВАГ – Осведомительное агентство (август 1919 г. – март 1920 г.).

тийных и советских газет («Правда», «Беднота» и др.), поддельные декреты Советского правительства и приказы по Красной Армии¹⁶⁰.

Все это заставляло руководство республики усилить пропагандистскую работу в РККА. В 1919 г. в Красной Армии и на Флоте окончательно сложилась структура партийно-политического аппарата: партакчейки, институт военных комиссаров, политотделы во главе с Политуправлением Реввоенсовета Республики (РВСР). Кроме политучебы, разъяснения политики партии и Советского государства предпринимались первые шаги по патриотическому воспитанию красноармейцев. Для этого понадобилось обращение к армейским традициям и военному теоретическому наследию дореволюционной России.

Показательно в этом отношении введение в октябре 1918 г. обязательной для всей Красной Армии «Служебной книжки красноармейца» – первого кодекса военной этики и учебника политграмоты советских вооруженных сил. Она была утверждена и издана за подписями В. И. Ленина и Я. М. Свердлова. Вместе с обозначением срока прохождения службы, перечислением выданного красноармейцу оружия, снаряжения и обмундирования в «Книжку» были включены основные положения Конституции РСФСР, некоторые декреты Советского правительства, рассказывалось о предназначении РККА, о военном долге красноармейца перед Советской республикой. «Книжка» призывала к отваге, мужеству, воинской доблести и преданности своей социалистической Родине. Свое новое содержание получило и понятие «воинской чести»: «Революционная *воинская честь* есть сознание собственного достоинства, как воина-революционера Рабоче-Крестьянской Красной Армии и гражданина свободной страны, исполняющего по совести свой долг»¹⁶¹. Характерным «новшеством» стала публикация в «Служебной книжке красноармейца» цитат из книги А. В. Суворова «Наука побеждать» (были включены 10 наиболее важных воинских правил великого русского полководца)¹⁶². В 1919 г. Политуправлением РВСР была издана листовка «Наказ красноармейцу», которая призывала к бережному отношению к военному имуществу и учила правилам поведения в бою. Листовка включала в себя несколько правил, составленных на основе русских народных пословиц и поговорок¹⁶³.

Эти факты свидетельствовали о стремлении большевистского партийного руководства и подчиненных ему политорганов РККА возродить некоторые, необходимые в военных условиях традиции русской армии, патриотическое воспитание военнослужащих. Политорганы Красной Армии (с 1946 г. – Советской Армии) на протяжении всей советской истории будут выполнять функцию «пропагандиста» политики Коммунистической партии в Вооруженных Силах, станут для армии главным проводником официальной линии, направленной на сочетание идей «пролетарского интернационализма» и русского патриотизма, получившего в 1930-е гг. наименование «советский патриотизм».

Следование русским военным традициям нашло отражение и во введении новой формы для военнослужащих РККА. В апреле 1918 г. приказом наркома по военным и морским делам Л. Д. Троцкого была учреждена комиссия по разработке формы обмундирования красноармейцев, а в мае объявлено положение о конкурсе по установлению форм одежды. В конкурсной разработке приняли участие известные русские художники того времени: В. М. Васнецов, Б. М. Кустодиев, М. Д. Езучевский и др. 16 января 1919 г. приказом РВСР был утвержден головной убор красноармейца – шлем из сукна со звездой, получивший неофициальное название «богатырка». Действительно, по своей форме новый головной убор напоминал древнерусскую «ерихонку» или шлем с бармицей. Позднее он получит название «фрунзевка» (по имени

¹⁶⁰ Гражданская война и иностранная интервенция в СССР. С. 423–424.

¹⁶¹ Гражданская война и иностранная интервенция в СССР. С. 266; Суворовский сборник. М., 1951. С. 275–276. Курсив источника.

¹⁶² Там же.

¹⁶³ Листовки гражданской войны в СССР 1918–1922 гг. М., 1942. С. 19.

командующего войсками Восточного фронта М. В. Фрунзе), а затем и свое наиболее известное название – «буденовка» (по имени командующего 1-й Конной Армии С. М. Буденного). Различные модификации этого головного убора использовались в Красной Армии вплоть до начала Великой Отечественной войны¹⁶⁴.

Задача создания новых вооруженных сил Республики Советов требовала привлечения в их ряды опытных командных кадров царской армии. 10 июля 1918 г. Пятый Всероссийский съезд Советов вынес постановление о мобилизации в Красную Армию офицеров старой армии. 29 июля был принят Декрет СНК РСФСР об обязательном призыве на службу в Красную Армию бывших офицеров, чиновников, врачей. Показательно, что еще до принятия Декрета, к июню 1918 г. около 9 тыс. офицеров добровольно вступили в Красную Армию¹⁶⁵. К августу 1920 г. на службе в Красной Армии состояло 48 тыс. бывших генералов и офицеров царской армии, более 10 тыс. военных чиновников, 14 тыс. военных врачей. К концу Гражданской войны они составляли треть комсостава Красной Армии и Красного флота¹⁶⁶. Поскольку количество бывших царских офицеров, служивших красным, пополнялось незначительно, на службу в РККА за период войны было взято более 14 тыс. пленных белых офицеров. К 1920 г. среди командного состава РККА бывшие белые офицеры составляли 92,3 % командующих фронтами, 100 % начальников штабов фронтов, 91,3 % командующих армиями, 97,4 % начальников штабов армий, 88,9 % начальников дивизий и 97 % начальников штабов дивизий¹⁶⁷. За весь период войны в Красной Армии служило 775 бывших генералов и адмиралов – более половины состава генералитета (1263 человека на 1 января 1914 г.)¹⁶⁸. Среди кадровых военных царской армии, перешедших на службу к Советской власти в годы Гражданской войны можно назвать имена генерал-лейтенантов К. И. Величко и М. Д. Бонч-Бруевича, генерал-майоров Ф. Ф. Новицкого, А. А. Самойло, П. П. Лебедева, адмирала А. В. Немитца, контр-адмирала В. С. Альтфатера, полковников Б. М. Шапошникова, С. С. Каменева, И. И. Вацетиса, подполковника Д. М. Карбышева и др. Особое место в этом списке принадлежит знаменитому русскому военачальнику Первой мировой войны А. А. Брусилову. В 1916 г. он являлся главнокомандующим Юго-Западного фронта (войска которого осуществили прорыв австро-венгерского фронта), в мае-июле 1917 г. – верховным главнокомандующим. Когда весной 1918 г. представители белого командования обратились к Брусилову с письмом-предложением возглавить «добровольческие» силы на Дону, он ответил подателю этого письма: «Никуда не поеду. Пора нам забыть о трехцветном знамени и соединиться под красным»¹⁶⁹. С мая 1920 г. прославленный полководец был назначен председателем Особого совещания при главнокомандующем всех Вооруженных Сил Республики. Многие представители старой русской армии, принявшие Советскую власть, рассматривали службу в РККА как исполнение своего патриотического долга. Так, контр-адмирал В. С. Альтфатер, перешедший к большевикам еще в начале революции, говорил К. Б. Радеку в 1918 г.: «Я вам не верил, теперь буду помогать и делать свое дело, как никогда я этого не делал – в глубоком убеждении, что служу родине»¹⁷⁰.

¹⁶⁴ Вопрос о времени и мотивах создания формы остается дискуссионным. По мнению одних исследователей, она была изготовлена по эскизам В. М. Васнецова и К. А. Коровина еще в годы Первой мировой войны и предназначалась для предполагавшегося победного парада русских войск в Берлине. Невостребованная для этой цели она в 1918 г. была взята со складов для обмундирования Красной Армии. Другие исследователи считают, что форма была разработана в 1918 г. русскими художниками после соответствующего приказа Наркомвоенмора Л. Д. Троцкого. См.: Гражданская война и военная интервенция в СССР. С. 637–638; *Дерябин А. И.* Гражданская война в России 1917–1922. Красная Армия. М., 1998. С. 3–5; *Сопельняк Б.* Буденовка – любимый головной убор красноармейцев // *Вечерняя Москва*. 2010. № 27.

¹⁶⁵ Гражданская война и иностранная интервенция в СССР. С. 107.

¹⁶⁶ *Кавтарадзе А. Г.* Военные специалисты на службе Республики Советов. 1917–1920 гг. М., 1988. С. 167.

¹⁶⁷ *Волков С. В.* Трагедия русского офицерства. М., 2002. С. 316.

¹⁶⁸ *Кавтарадзе А. Г.* Военные специалисты на службе Республики Советов. С. 22.

¹⁶⁹ См.: *Нестерович-Берг М. Л.* В борьбе с большевиками. Париж, 1931. С. 100.

¹⁷⁰ См.: *Азурский М. С.* Идеология национал-большевизма. М., 2003. С. 62.

Белое командование расценивало многочисленные факты сотрудничества генералитета и офицерства с советскими властями как измену «русскому делу». 14 ноября 1918 г. выходит приказ Главнокомандующего Добровольческой армии А. И. Деникина. В нем говорилось: «К стыду и позору русского офицерства много офицеров, даже в высоких чинах, служат в рядах красной армии»¹⁷¹. ... Объявляю, что никакие мотивы не будут служить оправданием этого поступка. Ведя смертный бой с большевизмом, мы в провокаторах не нуждаемся. ... Всех, кто не оставит безотлагательно ряды красной армии, ждет проклятие народное и полевой суд Русской Армии – суровый и беспощадный»¹⁷². Измена «белому делу» сурово каралась – многие служившие в Красной Армии бывшие царские генералы и офицеры, оказавшиеся в плену у белогвардейцев, за отказ перейти на их сторону были казнены. В их числе: генерал-лейтенант А. А. Таубе, генерал-майор А. В. Станкевич, генерал-майор А. П. Николаев, генерал-лейтенант А. П. Востросаблин и другие.

В Циркулярном письме ЦК РКП(б) об укреплении Красной Армии от 14 июля 1919 г. отмечалось: «Из числа офицеров за полтора года путём естественного отбора выделилась группа военных деятелей по большей части, которые с преданностью и самоотверженностью служат делу рабоче-крестьянской России. Сотни и сотни этих офицеров погибли в первых рядах, сражаясь бок о бок с нами против белогвардейцев. Сотни и сотни таких офицеров остаются в рядах нашей Красной Армии и служат ей верой и правдой. Само собой понятно, что эта часть офицерства заслуживает величайшего уважения со стороны рабочих»¹⁷³. Вместе с этим в письме ЦК РКП(б) обращалось внимание на факты предательства со стороны военспецов и содержался призыв к усилению роли армейских политкомиссаров¹⁷⁴. Это было определено решениями VIII съезда партии (март 1919 г.), осудившего политическую линию Л. Д. Троцкого в армии, выразившуюся в чрезмерном преклонении перед авторитетом военспецов и сведении к минимуму роли партийных организаций.

Усиление иностранной интервенции, продвижение белогвардейских войск к центральным районам страны требовали от советского правительства не только экстренных мер по созданию новой армии, но и налаживания эффективной политико-пропагандистской работы внутри республики, на фронте и на территории, занятой противником. Эта работа осуществлялась под руководством ЦК РКП(б), ВЦИК и СНК РСФСР – Наркоматом просвещения, Политуправлением Реввоенсовета Республики (ПУР), советскими издательствами, культотделами Советов, Российским телеграфным агентством при ВЦИК (РОСТА) и др. Наряду с призывами к мировой революции и к сплочению интернациональных сил в борьбе с международным капиталом, в советских пропагандистских документах 1918–1919 гг. (материалах периодической печати, воззваниях, листовках, агитплакатах и т. д.) все чаще обращались к идеям социалистического патриотизма, защиты территориальной целостности России.

Так, в листовке «Чего хотят англичане, французы, идущие против нас войной?», выпущенной в 1918 г. издательством ВЦИК, подчеркивалось: «Они (интервенты – А. К.) захватили дорогу на Мурманск, весь берег Белого моря, Онегу, Архангельск. Нашлись предатели, которые им помогли. Они пушками с крейсеров громили мирное население – за что, что мы им сделали?... Чего же хотите вы, король, президент, лорды и герцоги, купцы и банкиры, помещики Америки, Англии, Франции, Японии?». Далее в листовке приводятся их слова: «Мы хотим сожрать вас, мы хотим захватить ваши леса на севере, ваши гавани, ваши дороги. Мы хотим, чтобы лен и пенька, лес и хлеб, все, чем богата ваша страна, медь и железо, свинец, серебро, платина, золото, – все мы хотим захватить... Мы хотим захватить и север, и Волгу, и Урал, и

¹⁷¹ Так в тексте – А. К.

¹⁷² Цит. по: *Шевцов П. А.* Страницы истории гражданской войны. М., 1992. С. 162.

¹⁷³ КПСС в резолюциях. Т. 2. С. 113.

¹⁷⁴ Там же.

Кавказ. Нам нужны ваши источники нефти, ваши рудники и шахты, ваши рыбные¹⁷⁵ ловли, все заберем!.. Мы хотим посадить вам на шею царя, потому что и в нашей стране (имеется ввиду Великобритании – А. К.) король Георг, – родственник Романова, потому что наша буржуазия – родная вашей, наши помещики – родные вашим...». Завершается листовка словами: «Вот чего хотят эти люди. Гоните их вон!»¹⁷⁶

---

¹⁷⁵ Так в тексте – А. К.

¹⁷⁶ Цит. по: Гражданская война и иностранная интервенция в СССР. С. 515.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.